

ЛИНА ЛИЧМАН

Будьте
осторожны
со своими
желаниями

ПРИЗРАКИ ПРОШЛОГО

18+

Лина Личман

**Призраки прошлого, или
Поаккуратнее с желаниями**

«Автор»

2026

Личман Л.

Призраки прошлого, или Поаккуратнее с желаниями /
Л. Личман — «Автор», 2026

Она просто хотела, чтобы всё стало как раньше. Но судьба никогда не возвращает то, что забрала. Виктория оказывается в мире, где привычные законы больше не работают, а ответы на самые важные вопросы приходится искать там, куда здравый смысл идти отказывается. Потеря. Надежда. Чужие тайны. Люди, для которых человеческая жизнь имеет совершенно разную цену. Одни готовы забрать чужое будущее ради собственной выгоды. Другим приходится жить с последствиями этого выбора. Говорят, желания нужно загадывать осторожно. Потому что иногда они действительно сбываются. Но судьба никогда не предупреждает, какой окажется цена. Это история о памяти. О надежде. О цене человеческой жизни. И о призраках прошлого. Тех, которых не нужно бояться.

© Личман Л., 2026

© Автор, 2026

Лина Личман

Призраки прошлого, или Поаккуратнее с желаниями

Все персонажи и события данного произведения являются художественным вымыслом. Любые совпадения с реальными людьми, организациями или событиями случайны. Действие романа происходит в 2011 году.

Я проснулась от собственного крика. Опять кошмар. Во сне и наяву вижу одно и то же. Не просто вижу, я слышу её.

Иногда она говорит со мной очень тихо, с мольбой о помощи. Но чаще она требует, кричит... Жутко просыпаться среди ночи от ощущения, что чей-то взгляд прожигает в тебе дыру. А еще страшнее осознавать, проснувшись, что ты уже месяц как живёшь одна и смотреть-то на тебя некому. Но! Проснувшись, ты видишь её. Она сидит у твоей постели и просит или требует ей помочь. Но забывает сказать, как я могу это сделать. Обычно её хватает на пару-тройку дней. За это время она понимает мою бесполезность. И, вздохнув или махнув на меня рукой, обречённо уходит прочь. Потом появляется снова. Обычно, но не в этот раз...

Она ходит за мной уже вторую неделю. Всё это время, засыпая и просыпаясь, я вижу одно и то же: её уже почти разложившееся тело и тёмные провалы вместо глаз. Я стала ощущать запах, чего не было раньше. От неё пахнет сырой землёй и хвоей... Да, именно так, не трупным запахом разлагающейся плоти, а хвоей и землёй.

За некоторое время до описываемых событий...

Я проснулась от того, что что-то щекочет мой нос. Открыв глаза, увидела улыбающегося мужа. Он еле дотрагивался пёрышком до моего лица и смеялся, видимо получая удовольствие от своего занятия. Я схватила его за правую кисть и поцеловала родимое пятнышко на ладонке супруга в виде четырёхлистного клевера, примерно такого же по размеру. Как же я обожаю эти руки.

— Доброе утро, любимая! — всё так же улыбаясь, произнёс Витя.

Я сцапала его за нос и потянула на себя.

— Тогда взрослая женщина требует завтрак в постель. С блинчиками.

— Колобок, ты вчера сказала, что если я ещё раз накормлю тебя блинами в семь утра, ты разведёшься со мной и заберёшь холодильник.

— Я была не в духе.

— Ты теперь всегда не в духе, — муж погладил мой живот сквозь одеяло. — Богдашка, ты слышишь, что мама творит? Она шантажирует твоего бедного папу.

Он наклонился и прижался ухом к моему животу. Замер. Я знала, что сейчас будет: Витя будет лежать так минут пять, дышать ровно и серьёзно, как будто слушает что-то очень важное. Это был его ритуал. Каждое утро. С того момента, как мы узнали, что у нас будет малыш.

— Ну что? — шёпотом спросила я.

— Спит, — так же шёпотом ответил Витя. — Не буди её.

И мы оба засмеялись, тихо-тихо, чтобы не разбудить.

— У меня для тебя кое-что есть, — заговорщически подмигнул мне супруг и достал левой рукой из-за кровати огромный букет ромашек и протянул мне. — Ты у меня уже совсем взрослая.

Точно, сегодня же у меня день рождения. Мне исполняется двадцать семь лет. Вечно из-за предшествующего торжества забываю о себе.

Не верьте тем, кто говорит, что здорово, когда день вашего появления на свет выпадает на торжественную дату. Ничего хорошего в этом нет. Все будут отмечать праздник, а про ваш

день рождения даже не вспомнят. Со мной всегда было именно так. Всегда — это до замужества. Муж — это единственный человек, для кого мой день рождения стал важнее главного календарного праздника. Даже любящие меня родители, у которых я была единственным и долгожданным ребёнком, предпочитали отмечать Новый год. На мои же именины оставались всего лишь вяленькие поздравления, ведь родилась я первого января.

— А где ты достал зимой ромашки, да ещё и наутро после Нового года, когда вся столица и её окрестности или ещё спят, или, проснувшись, решают, чем бы опохмелиться? — улыбаясь и зарываясь лицом в цветы, спросила я.

Каждый следующий мой день рождения, стараниями любимого мужа, однозначно становится гораздо лучше предыдущего, хотя куда уж лучше. Вечно мой неугомонный и подвижный новыми свершениями и подвигами Витька стремится к совершенству. Каждый год он выдумывает что-то этакое.

В прошлом году меня разбудил Дед Мороз, стучащий посохом в окно. Выглянув в него, я увидела не только его со Снегуркой, но и настоящие сани, запряжённые тройкой лихих скакунов, в которых сидел поджидавший меня супруг с мешком подарков.

Виктор говорит, что день появления на свет — это самая главная дата в жизни каждого человека, и я с ним полностью согласна, ну почти полностью. Для меня важнее моего дня рождения стал день рождения моего любимого зайки, ну а скоро к нему прибавится ещё и день рождения нашей малютки, имя которой мы не выбирали, оно само у неё как-то появилось.

С первых дней, как только муж узнал о моей беременности, он говорил, что хочет доченьку. Не сына и наследника, как большинство мужчин, а именно дочку. «Косички ей буду заплетать», — говорил Виктор. Когда же на УЗИ нам наконец-то сказали пол ребёнка, супруг произнёс фразу, которая решила вопрос с именем раз и навсегда.

— Богом данная!

Он говорил это с такой радостью и умилением, что мне лишь оставалось ответить: ну, раз Богом дана, значит, Богданой её и назовём. И ничего, что звучит чудно, главное, что это правда.

— Чего задумалась? Одевайся давай, нас уже ждут, — тормоша меня за руку, поторопил муж.

Хохоча, я соскользнула с кровати и открыла шкаф.

— Форма одежды какая? В пир или в мир?

— Праздничная, колобок мой, праздничная, — ответил Витька.

Сам он уже был одет. На нём были джинсы, водолазка и пиджак.

— Ну и что я, по-твоему, могу на себя натянуть праздничного с таким животом? — улыбаясь в ответ, недоумевала я.

— То, что тебе удобно. Мы будем в помещении.

— Это совсем другой разговор, — как ребёнок, в ожидании предстоящего сюрприза, обрадовалась я.

Надев эластичные джинсы, мягкий вязаный свитер на пуговках и водолазку с зайкой, я вышла в прихожую и села на пуфик, где муж надел на меня сапожки и пуховик. Мы закрыли квартиру и, выйдя из подъезда, сели в машину, заранее разогретую предусмотрительным супругом.

— Зай, я забыла ромашки в воду поставить, пока вернёмся, они завянут, дай ключики, я быстро, — стала канючить я.

— Может, ну их? Я тебе ещё куплю, — примирительно предложил Витя.

— Нет, не надо других, этими ты меня поздравил, дай ключи.

— Сиди уж, быстро она, — фыркнул муж и вышел из машины.

У меня вдруг ни с того ни с сего схватило сердце, как будто кто-то изнутри сжал его ладонью и держит. Я попыталась вздохнуть и поняла, что не могу. Воздух стоял в горле, как пробка. В ушах зазвенело так сильно, что на секунду я перестала слышать даже улицу.

Я смотрела на спину Вити у подъезда. Он о чём-то разговаривал с тётей Зиной из четвёртой квартиры — нашей вечной дворовой наблюдательницей, которая зимой выходила «проветриться» в куртке поверх халата, а летом гоняла с балкона подростков. Витя что-то сказал ей, улыбнулся и махнул рукой, а я не могла ни крикнуть, ни постучать в стекло. В голове очень чётко, без паники, проговорилось:

«Запомни его таким. Запомни. Запомни».

И я не знала почему. Я смотрела, как он смеётся, как у него выбилась прядь из-под шапки, как переступает с ноги на ногу — Витя всегда так делал, когда мёрз. Мне было страшно. Так страшно, как не было ещё никогда в жизни. Он ещё раз махнул тёте Зине и скрылся за подъездной дверью.

Я поняла, что от боли не могу даже пошевелиться, не то что дышать. Хотелось закричать, чтобы кто-нибудь позвал мужа, но я не смогла этого сделать.

Сердце отпустило буквально через пару минут. Отпустило так же резко, как и схватило. Я вдохнула — горло обожгло холодным воздухом, и сразу стало нормально.

Подняв глаза, я увидела Витьку, выходящего из подъезда. Он шёл к машине, что-то весело насвистывая себе под нос. А я смотрела на свои дрожащие руки и думала: «Не говори ему. Ничего не говори, испугается, начнёт суетиться, испортит сюрприз.»

Тогда я ещё не знала, что суетиться нужно было мне. Что у меня было полторы минуты, чтобы крикнуть ему: «Не садись за руль.» Полторы минуты... А я молчала и гладила живот. Тревога никуда не ушла. Это гормоны шалят. Тревожность для беременных — это норма, так что нужно заканчивать себя пугать и думать стоит только о хорошем. У меня сегодня день рождения, вот и нужно насладиться торжеством.

— Нас уже заждались, — как ни в чём не бывало сказал Виктор и сел на водительское кресло, подав мне плотный чёрный шарф. — Садись назад и завязывай глаза, так будет интереснее. Или можешь лечь, доспишь, как приедем в храм, я тебя разбужу.

— Куда? — не веря своим ушам, переспросила я, пересев назад и устроившись поудобнее, постаралась переключить свои мысли.

Храм...

Так получилось, что я родилась в середине восьмидесятых, когда многие люди, наплевав на запреты власти, резко стали верующими. Мои же родители так и остались атеистами до конца своей недолгой жизни. Посему и меня крестить было некому. Потеряв родителей несколько лет назад, я серьёзно задумалась о существовании Всевышнего. Мною было прочтено немало литературы о всевозможных религиях. Ни ислам, ни иудаизм, ни буддизм не стали мне близки. А вот христианство заинтересовало. Я начала изучать его разновидности и пришла к мнению, что католицизм мне ближе, чем православие и протестантизм. Я даже нашла католический собор на Малой Грузинской улице, но вот зайти в него так и не решилась.

Позже, познакомившись с Витей, мы не раз обсуждали тему вероисповеданий. Несмотря на то, что мой супруг был старше меня всего на пару лет и вырос в детском доме, он был крещён.

В небольшом городке на окраине Екатеринбургской области находится госучреждение, в котором вырос Витя, а рядом стоит православная церковь. Он не раз рассказывал, как нянечка тайком от директрисы водила туда деток. Человеком она была верующим, да ещё и бездетным, поэтому детдомовские детишки, несмотря на отсутствие родителей, выросли в любви и заботе этой женщины. Я всегда с придыханием слушала рассказы мужа о вере, Боге и долге. Но склонить меня к православию, а тем более к походу в храм, у него никак не удавалось. Вот теперь, наверное, и настал этот момент.

В какой же из храмов мы приедем сначала? Католический или православный? И что изменится от того, что я их наконец-то посетю? — в моей голове была куча думок, но Виктор, будто бы подслушав мои мысли, ушёл от прямого ответа.

— В какой храм едем, вероятно, гадаешь? Никаких вопросов не задавай, всё узнаешь позже, — произнёс муж, сосредоточившись на вождении.

Я завязала глаза и прилегла. Знаю, что нужно сидеть, да ещё и пристёгиваться, но эту машину я люблю именно за то, что второй и третий ряд, после переделки их во что-то наподобие между диваном и кроватью, действительно располагает ко сну. Точнее, зад авто стал таким после того, как Витька сгонял машину к своим ребятам в мастерскую. В любом случае вот уже три месяца я ездила в машине практически всё время в лежащем положении.

Выруливая на шоссе, муж напевал какой-то мотивчик и был ужасно собой доволен, из чего я сделала вывод, что всё идёт по плану. Под мурлыканье супруга и шуршание шин я провалилась в сладкий сон.

Меня разбудил не скрежет металла. Его я слышала будто издалека. Как фон. Как что-то, не имеющее ко мне отношения. Меня разбудила тишина после него. Такая тишина, от которой закладывает уши. Несколько секунд я вообще не понимала, что происходит. Я лежала на боку на нашем переоборудованном заднем сиденье, а шарф сполз мне на шею. Почему-то было очень светло. Это и испугало меня сильнее всего. Мы ведь ехали по тёмному шоссе. Я засыпала под свет встречных фар.

Почему сейчас светло? И почему так жарко? Воздух был густым, тяжёлым. Пахло плавающей пластмассой, бензином и чем-то сладковато-железным. От этого запаха меня моментально затошнило. Голова раскалывалась.

Я попыталась поднять руку ко лбу и только тогда поняла, что пальцы мокрые. Поднеся их ближе к лицу, увидела кровь. Свою кровь. Но боли почти не было. Это казалось неправильным.

— Витька...

Я думала, что кричу. На самом деле это был шёпот.

— Витька... я ударилась...

Ответа не было. Только какое-то потрескивание впереди. Часы на приборной панели показывали 09:47. Я тупо смотрела на цифры, пытаюсь понять, что именно не так. Мы выехали в восемь. Значит... Значит прошло почти два часа? Как? Почему?

Я медленно приподнялась и только тогда поняла, откуда идёт свет. Лобового стекла больше не было. Через дыру впереди я увидела другую машину. Она горела. Не как в кино. Без взрывов. Без суеты. Спокойно. Страшно спокойно. Как костёр на даче. Жёлтое пламя лениво облизывало металл, а в чёрный дым улетали искры. И кто-то кричал. Мужчина. Очень тонко. Почти по-детски.

Я слышала этот крик и не сразу поняла, что он становится тише. Короче. Слабее. А потом оборвался. Всё вокруг снова стало тихим.

Кто-то дёргал заднюю дверь. Я слышала голоса. Много голосов. Но не понимала ни слова, будто люди говорили на чужом языке. Потом кто-то схватил меня под мышки и потянул наружу. Я не хотела туда. Пыталась объяснить, что нужно найти мужа. Что он где-то здесь. Что ему, наверное, больно. Что ему нужна помощь.

Я повторяла:

— Там Витька... там мой муж...

Но меня всё равно тянули наружу. Тянули и тянули. Я не понимала, сколько прошло времени. Не понимала, почему никто не ищет его. Почему все смотрят на меня. Почему никто ничего не делает. А потом я увидела водительское сиденье. Залитое кровью. И пустое. Совсем пустое. У меня внутри всё оборвалось. Нет. Нет-нет-нет. Этого не может быть.

Мой взгляд метнулся ниже. Сначала я увидела осколки стекла. Потом руку. Отдельно. Почему-то отдельно. Она лежала под тем, что осталось от лобового стекла. Я помню, как мозг сначала отказался понимать, что именно я вижу. Просто рука. Чужая. Не Витина. Только потом взгляд зацепился за безымянный палец. Кольцо. Наше кольцо. Сделанное на заказ. А потом — родимое пятно на ладони. Четырёхлистный клевер. И в этот момент мир исчез. Не стало

ни криков. Ни огня. Ни людей. Ничего. Только темнота. Дальше я ничего не помню. Кроме одного. Это был не сон. Что-то другое.

Я стояла на дорожке, вымощенной жёлтыми плитками — кривыми, будто их укладывал ребёнок. Между плитами пробивалась трава. По обе стороны дорожки колыхались высокие заросли, почти по пояс. Ветра не было, но они всё равно шевелились, словно дышали. На небе не было солнца. И облаков тоже не было. Просто ровный белёсый свет, от которого не оставалось теней. Я стояла, положив ладони на свой огромный живот, и смотрела на Витю, находящегося шагах в десяти впереди. Муж махал мне рукой и улыбался. Живой. Господи... живой.

— Викусь, иди сюда.

Я пошла к нему. Идти было легко. Ничего не болело. Ни спина, ни ноги, ни живот. Я вообще не чувствовала тяжести собственного тела.

На Вите была старая серая толстовка, которую он обожал таскать дома, и потёртые джинсы. Те самые. На колене справа даже нитка торчала — я всё собиралась её обрезать и забывала.

Никакой крови. Никаких травм. Ничего. Только он. Живой. Родной. Тёплый.

— Зайка, иди сюда. Нам надо поговорить.

Я подошла почти вплотную, и Витя сразу обнял меня поверх живота — так, как обнимал последние месяцы. Осторожно. Будто боялся причинить боль мне или малышке. И почему-то именно от этого привычного движения у меня внутри всё надломилось. Я вцепилась в его толстовку и уткнулась лицом ему в грудь. От него пахло домом. Кофе. Морозом. И его шампунем.

— Вить... — голос у меня сорвался. — Я так испугалась...

Он прижал меня крепче и закрыл глаза. А потом стал гладить по спине. Медленно. Успокаивая. Как всегда.

— Слушай меня внимательно. Времени мало. Ты сейчас уйдёшь.

Я подняла голову.

— Куда уйду?

— Туда. Назад.

— Нет.

Я даже головой мотнула.

— Нет, я не хочу назад. Я останусь здесь. С тобой.

На секунду у него стало такое лицо... будто ему больно слышать эти слова.

— Нельзя, маленькая. Тебе нельзя здесь оставаться.

— Почему? — я уже почти плакала. — Почему нельзя? Я же нашла тебя...

Он отвёл взгляд, потом снова посмотрел на меня.

— Потому что ты ещё живая.

От этих слов внутри всё оборвалось.

— Слушай дальше. Наша малышка будет жить. Богдана будет жить, но её нужно найти. Ты сама не сможешь. Не успеешь. Но он сможет.

— Кто?

— Ты ему поверь, ладно?

— Витя, я ничего не понимаю...

— Я знаю. Потом поймёшь.

Он говорил спокойно, но я чувствовала — времени действительно мало. Будто что-то уже тянуло меня назад. Воздух вокруг стал холоднее. Трава зашевелилась сильнее.

— Запомни одно, — Витя взял меня за лицо обеими руками. — Не возвращайся сюда. Слышишь меня? Не возвращайся ко мне.

— Почему?.. — шёпотом спросила я.

У него дрогнули губы.

— Потому что если ты придёшь... я тебя уже не отпущу.

У меня по щекам потекли слёзы.

— Я не хочу без тебя...

— А придётся, маленькая.

Он коснулся лбом моего лба и прикрыл глаза.

— Обещание помнишь?

Я судорожно кивнула.

— Помню...

— Тогда живи.

Муж отпустил меня слишком резко. Будто специально. И быстро пошёл по дорожке.

— Вить! — я дёрнулась за ним.

Но он не обернулся. Даже не остановился. Только поднял руку — прощаясь. И исчез. Просто исчез. Будто растворился в этом белом свете.

А потом пришёл холод. Страшный. Могильный. Он полез под кожу, в грудную клетку, в горло. Я пыталась вдохнуть и не могла. Ещё до того, как открыть глаза, я почувствовала, что на меня кто-то смотрит. Долго. Пристально. Терпеливо. И почему-то открывать глаза мне резко расхотелось.

Во рту было сухо, как в пустыне. В голове — пусто. Только сердце колотилось так, будто пыталось вырваться наружу.

Полежав немного в тишине, нарушаемой писком каких-то приборов, я всё же решила, что пора возвращаться. Да, именно возвращаться. Мне не нужно ни у кого ничего спрашивать, я нахожусь в трезвом уме и твёрдой памяти и полностью осознаю, что отныне в этом мире я осталась совершенно одна. Моего солнечного зайчика, лучшего друга и любимого мужчины нет и никогда больше не будет рядом со мной. Я не пыталась позвать Витю, я просто знала, что его уже нет в живых. А в памяти, как доказательство, всплывала окровавленная ладонка мужа. Ещё раз тяжело вздохнув, я открыла глаза. И тут же закрыла, потому что увиденное мне не понравилось.

«Померещилось», — начала уговаривать я сама себя, но раздавшийся вслед за увиденным голос убедил меня в обратном.

— Помоги! Помоги! — то ли шёпот, то ли шелест листьев — вот на что был похож этот призыв.

— Чем я могу тебе помочь? — не открывая глаз, спросила я.

— Помоги! Помоги! — продолжало доноситься до меня из угла моей палаты.

— Ты издеваешься надо мной, да? Я же спрашиваю, чем я могу тебе помочь?

— Помоги! Помоги!

— Вот я дура! Ты же галлюцинация, да? Или как там ещё это называется? — пытаюсь таким образом себя успокоить, я открыла глаза вновь.

— Помоги! Помоги!

Я слышала эти слова, но, глядя на то, что напугало меня при моём пробуждении, убеждалась в том, что они звучат у меня в голове, так как рот призрака, фантома, мертвеца, галлюцинации или кем там ещё могла быть девушка, стоявшая в углу, не открывался, её голос просто звучал у меня в голове.

Девушка была совершенно голой и босой. Русые волосы слиплись от крови и тёмными мокрыми сосульками падали ей на грудь. Глаза были открыты, и от этого становилось не по себе. Взгляд у неё был неподвижный, стеклянный. Такой, каким смотрят не люди — тела. Он ни за что не цеплялся, не дрожал, не блуждал. Казалось, будто она смотрит прямо на меня, насквозь, и одновременно — вообще никуда. Через всё её тело тянулся длинный разрез, грубо стянутый частыми неровными стежками. Он начинался почти у самой шеи и уходил вниз, к

животу. И было в этом что-то настолько неправильное, что у меня внутри всё сжалось. Шов был неровный, местами кожа расходилась, будто кто-то зашивал её второпях. Ощущение, будто человека сначала разобрали на части, а потом кое-как собрали обратно. Руки безвольно свисали вдоль тела, а кожа была настолько белой, что казалась не человеческой, а какой-то восковой. В общем... жуть.

Может, она находилась в том автомобиле, который в нас врезался? Я помню, что та машина пылала. Не важно — сидела девушка за рулём или была пассажиркой, но она должна быть вся в ожогах. А их нет... Значит с аварией эта девушка никак не связана. Тогда кто она? И как её смерть пересекается со мной?

Я смотрела на неё и чувствовала, как внутри начинает медленно разворачиваться что-то липкое и неприятное. Как будто разум уже увидел что-то важное, что-то очень неправильное, а сознание пока отказывалось это принимать. Если это не последствия лекарств... если не бред... если не глюк... Тогда между нами должна быть какая-то связь. Обязана быть. Но какая?

Пока я разглядывала свою «гостью», в палату заглянула медсестра и, что-то пробурчав, бросилась прочь.

«А может, всё-таки не глюк»? — пронеслось в моей голове.

— Вон как медичка припустила, — усмехнувшись, пробормотала я. Нет... судя по монотонным повторениям: «Помоги, помоги...» — это всё ж таки моё расшалившееся воображение.

Заглянувший в мою палату через несколько минут врач ещё больше убедил меня в этом. Видимо, медсестра убежала именно за ним.

Доктором оказался молодой мужчина с вьедливым взглядом голубых глаз. Удлиненные тёмные волосы, пушистые ресницы и чёрные брови. Мужественное лицо, широкие плечи. Его бы можно было назвать красавчиком, если бы не этот неприятный взгляд. Не зря говорят, что глаза — это зеркало души. Если исходить из этой поговорки, душа у него была поганенькой. Выражением глаз он напоминал одного из главных героев фильма «Молчание ягнят». Такой же завораживающий и одновременно отталкивающий. У меня создалось ощущение, что я подопытная мышка, которую он сейчас будет потрошить или, как там это правильно называется? Препарировать, кажется. Насколько цепко и сосредоточенно он меня разглядывал. Подойдя ближе ко мне, он аккуратно снял опутывающие меня трубки и, нажав что-то на одном из мониторов, уселся на край моей кровати.

— Меня зовут Эдгар Германович, я ваш лечащий врач. Ну, Виктория, как самочувствие? Я, честно говоря, уже и не ждал беседы с вами, слишком тяжёлой была степень ушиба вашего мозга. Расскажите мне, что вы помните? А потом поговорим о вашем самочувствии и последствиях травмы.

— Всё!

— Что значит всё? Можно поконкретнее? Аварию помните? — Врач слегка наклонил ко мне голову и наморщил лоб, от чего ещё больше стал похож на Ганнибала Лектора в молодости.

— И аварию, и всё, что видела перед тем, как отключилась. Сколько я была без сознания?

— Вы, наверное, имеете в виду в коме? Почти три недели.

— Три недели, — эхом повторила я. — Мой муж...

— Вам нельзя сейчас нервничать, мы позже о нём поговорим.

— Нет, вы не поняли... Я знаю, что Витя погиб, но... В общем, я хотела узнать про похороны... И можно мне воды, а то мой язык напоминает наждачную бумагу.

— Да, конечно, — врач встал и вышел из палаты. Вернулся он уже со стаканом воды.

— Только пейте маленькими глотками и не спешите.

Он подождал, пока я выпила всю воду и вернула ему пустой стакан, а затем продолжил:

— Если вы уверены, что готовы это услышать... Эта авария наделала много шума. У нас тут ещё одна пациентка находится, как раз из той машины, с которой произошло столкнове-

ние. Тоже реанимация, но пока без изменений. Но там-то всё понятно: сильные ожоги, перелом позвоночника, кровоизлияние, порыв мягких тканей лёгкого. А вот вы — это совершенно другой случай. На вашем теле ни единого синяка, ни царапины, ничего. Пока вам не сделали МРТ, у нас вообще думали, что вас по ошибке привезли. У вас же на тот момент только воды отошли.

— Эдгар Германович, вы слышали, что я у вас спросила? Я знаю, что мужа я потеряла! Меня интересуют похороны, — меня начинало потряхивать от раздражения и нетерпения.

— Да, извините. Вашего мужа похоронили уже. Я же говорю, что про аварию много писали в газетах, по телевизору программы были. Там дети каких-то серьёзных людей погибли. Нам вот до сих пор один товарищ покоя не даёт по поводу девушки из реанимации.

— Стойте! А кто мужа похоронил? Он ведь сирота был, воспитывался в детском доме.

— Ну, так его коллеги с работы, насколько я понял, тело забрали. Кто конкретно — не могу сказать, но всё, я думаю, есть в бумагах, в морге.

— Моя дочь, где она? Ну то есть, вернее... Как я её родила? Ведь у меня на животе нет шрама, а момент родов я не помню, — задала я вопрос, который был для меня очень важен и которого я так боялась.

— Понимаете, вообще во врачебной практике наблюдались даже малыши, выношенные женщинами, находящимися в коме, и рождённые путём кесарева сечения. При этом малыши были совершенно здоровы. Нет, конечно же, им требовалась определённая помощь медиков, но...

— Доктор, моя дочь!

— Да, извините. Так вот, ваш случай, он уникален. Когда вас везли к нам на скорой, у вас отошли воды. Мы стали готовить операцию для кесарева. Обычно после того, как отошли воды, период рождения — от шести до двенадцати часов. Бывают, соответственно, случаи, редко, но бывают, когда это происходит быстрее. Потом ещё схватки должны быть. Если посмотреть с точки зрения выкидыша, то это скорее преждевременные роды. Всё равно не складывается... В общем, когда вас привезли и направили на анализы, пока то да сё, прошло около полутора часов... Родили вы уже практически в кабинете МРТ, точнее в тот момент, когда решался вопрос о направлении вас туда.

Ребёнок оказался мёртвым, хотя мы примерно так и предполагали, так как сердцебиение плода не прослушивалось. Нонсенс в том, что процесс рождения произошёл без вашего участия! Да и без врачебного участия тоже! Понимаете? То есть вас поместили на гинекологическое кресло, и во время осмотра ваш организм вытолкнул плод. Вы понимаете, что это в принципе нереально? Но и это ещё не всё! Вообще, если исходить из практики, то после выкидыша матку нужно чистить, чтобы не было заражения и инфекции, но в вашем случае это не понадобилось! То есть в тот момент, пока вы пребывали в коме, ваш организм сам вытолкнул мёртвый плод и избавился от последа.

На протяжении этих трёх недель, пока вы находились в коме, ваша матка пришла в норму. До конца, разумеется, она восстановится только к восьмой неделе, но даже для того, что мы имеем сейчас, это превосходный результат. В моей практике это первый случай. Да и не в моей, думаю, тоже. Понимаете...

Он ещё что-то говорил, говорил, но я его уже не слышала. Моя девочка, моя малышка. Не может быть! Ведь говорят же, будто мать чувствует, что происходит с её ребёнком. А я не чувствовала, нет, не чувствовала, что моей крошки больше нет. Для меня она живая, для меня она моя любимая, долгожданная и живая. Такого просто не может быть, я не верю...

В этот момент что-то произошло со мной, как будто кто-то позвал или окликнул. Я подняла глаза и увидела всё ту же девушку-призрака. Только теперь она вытянула руку и, указывая на говорящего в этот момент доктора, повторяла как заведённая: «Он, он, он...» Точнее, рот как раз-таки у неё был закрыт, а голос раздавался в моей голове. «Он, он, он...»

— Эдгар Германович, у меня могут быть галлюцинации? — перебила я уже успевшего поднадоесть мне медицинского работника.

— Эээ... что? — врач уставился на меня непонимающим взглядом, видимо, я выбила его из колеи своим вопросом.

— Галлюцинации, спрашиваю, могут у меня быть или там голоса всякие слышаться могут? — повторила я свой вопрос.

— Ну, в принципе, после вашей травмы и не такое может быть. Часто люди теряют память, а у вас с этим полный порядок. А что, вам что-то привиделось или послышалось? — заинтересовался эскулап.

— Нет, просто интересно, — соврала я, косясь на «свою посетительницу».

— Вообще, после такой травмы это скорее была бы норма.

— Вы голоса имеете в виду? — успокоившись, что помешательство мне не грозит, спросила я.

— И голоса, и видения. У всех по-разному проходит процесс восстановления. Вот, например...

— Эдгар Германович, у нас осложнения в пятьдесят шестой, — послышалось из коридора.

— Извините, мне срочно нужно идти. Я зайду позже, и мы обсудим ваше самочувствие. Да, кстати, к вам следователь рвётся, я обязан сообщить, что вы пришли в сознание. Так что ещё день-два, и он вас навестит. Им закон не писан, и реанимация для них не препятствие, — бросил Эдгар Германович, направляясь на выход из палаты.

— Подождите, ответьте, пожалуйста, только на один вопрос: когда я смогу забрать тело своей дочери?

— Эээ... вообще-то по правилам родителям даётся три дня с момента смерти, чтобы забрать тело. Если родители не забирают, то оно кремируется, а захоронение производится в общей могиле. На это выделяет деньги наше государство... Вы были в коме три недели. Тело вашей дочери никто не запросил. Так что она была кремирована, — закончил врач и, выйдя в коридор, закрыл за собой дверь.

А я осталась сидеть на кровати с чувством полного опустошения, нежеланием принять очевидное и с монотонным повторением в голове: «Он, он, он...»

Почти весь этот день я вспоминала прошлое, так как оно было счастливым, а настоящее — туманным и безрадостным. Свою «гостью» я старалась не замечать, тем более что облюбованный угол она не покидала и ко мне не приближалась. Странно, но у меня не было ни истерик, ни сожалений, просто тягучая и горькая боль в душе от утраты. И чтобы хоть как-то забыться и согреть свою окоченевшую от потери любимых людей душу, я начала вспоминать самые тёплые и радужные моменты своей жизни. Когда не хочется жить настоящим, можно попробовать жить прошлым, где тебе было хорошо. Одно яркое воспоминание чередовалось с другим, как картинки в калейдоскопе при смене градуса обзора.

Вот мне всего пять. Лето, август месяц. Я с родителями у бабушки в деревне. Мы обедаем на веранде. На белой накрахмаленной скатерти сервиз с синим рисунком. Бабушка напекла пирогов и сделала окрошку. Родители хвалят бабушкин обед и славную погоду. Они улыбаются, и я понимаю, что мы счастливы от того, что лето, от того, что вкусно, от того, что все живы и здоровы. По всей нашей деревне бродит дурманивший запах белого налива, первых созревших плодов.

Мне семь. Осень, первое сентября. Я в чёрной юбочке, белых гольфиках и в белой, похожей на воздушное безе, блузке с огромным бантом на голове и букетом цветов в руках, жду объявления нас первоклашками. Мама с папой, счастливо улыбаясь, стоят в толпе родителей. А я с какой-то детской непосредственностью и любовью взираю на свою первую учительницу.

Мне девять, снова лето, конец июня. Мы с родителями в Анапе. После вкусного завтрака мы идём на пляж. Папа, как всегда, покупает по дороге кваса, а мне — варёную кукурузу. Мама улыбается и говорит, что у нас впереди ещё целых две недели безделья и моря. А мне просто хорошо от того, что не нужно делать уроки, что ярко светит солнышко и что мы идём купаться.

Мне одиннадцать. Весна, конец апреля. Мы с моей одноклассницей Варей топаем домой. Ещё буквально пара учебных дней — и наступят майские праздники, на которых у нашего класса запланирован поход с ночёвкой. Мы с Варькой обсуждаем, кто что возьмёт, будет ли костёр и страшные истории на ночь. Мы громко смеёмся, и весь мир кажется нам счастливым.

Мне тринадцать. Осень, конец ноября. Сегодня к нам в класс пришёл новенький мальчик Вадим. Ему предложили сесть на любое свободное место, и он сел ко мне. Ураааааа! Какой он хорошенький, и глаза у него красивые — серые. Улыбается он так, что у меня аж дыхание захватывает, как будто вниз с крыши прыгаю. А ещё Вадик в музыкальной школе учится, на флейте играет. Я самая счастливая девочка в мире.

Мне шестнадцать, опять лето, начало июля. Всю неделю стоит жара. Мы с подружкой у нас в квартире крутимся перед зеркалом, наряжаясь в кино. Сегодня мы отправляемся на «Пиратов Карибского моря». Подружка идёт, потому что фанатеет от Орландо, мне же нравится Джек Воробей. Не Джонни Депп, а именно пират.

Мне восемнадцать. Начало августа. Жара такая, что плавится асфальт. Мы с подружкой гуляем по парку и уже сто раз пожалели, что вообще вышли из дома.

Второе августа. День ВДВ. Повсюду синие береты, тельняшки, флаги и очень громкие мужчины. Кто-то орёт песни, кто-то уже купается в фонтане, хотя на часах ещё даже трёх нет. Подружка ноет, что надо уходить, а мне смешно. Не знаю почему. Просто вся эта картина кажется какой-то нелепой.

И тут возле фонтана начинается возня. Какой-то молодой парень вылезает из воды, поскальзывается на мокром бортике и с таким грохотом падает обратно, что вокруг начинают ржать вообще все.

Я тоже засмеялась. Очень громко. Парень поднял голову и посмотрел прямо на меня. А потом взял и пошёл в мою сторону.

— Чего веселишься? — спросил он серьёзно.

Смеяться мне сразу расхотелось. Потому что вблизи он оказался высоким. Очень высоким. Мокрым. В тельняшке. И почему-то совсем не злым.

— Потому что ты смешно упал, — честно ответила я.

Он секунду смотрел на меня. Потом кивнул.

— Справедливо.

И протянул руку.

— Витя.

— Вика.

— Ну вот и познакомились.

Я помню, что посмотрела тогда на его ладонь. Большая, загорелая. И родимое пятнышко на ней — маленькое, в форме четырёхлистного клевера. Я тогда ещё подумала: какое странное. И совершенно не понимала, что через несколько лет буду целовать это пятнышко каждое утро.

Мне двадцать один. Зима, февраль. Мы только что съехались, и в нашей съёмной однушке нет ничего, кроме матраса, старого чайника и двух кружек, купленных по акции. Шкафа нет — вещи лежат в пакетах вдоль стены. Стола нет тоже. Есть только мы. Самостоятельные и уверенные, что всё сможем, всё получится.

За окном метель. Снег бьётся в стекло и завывает где-то в щелях старых рам. Батарея жарит так, что воздух в квартире сухой и горячий. Витя сидит на полу, прислонившись спиной к батарее, и читает вслух договор найма. Конечно читает. Потому что он зануда. Потому что

нормальные люди в первую ночь в своей первой совместной квартире обнимаются, едят пиццу или дурачатся, а мой сидит и проверяет каждую запятую.

Я лежу головой у него на коленях и кручу в пальцах завязку от его толстовки.

— Викусь, — вдруг говорит он, оторвавшись от бумаги.

— М-м?

— А если я раньше тебя умру, ты обещаешь не вешаться.

Я даже голову подняла.

— Ты дурак?

— Нет, я серьёзно.

— Какие у тебя странные мысли в воскресенье.

— Обещай.

Я помню, как посмотрела тогда на него снизу вверх. Помню его лицо — серьёзное, спокойное. Совсем не такое, когда он прикалывался. И помню, что меня тогда это даже чуть-чуть разозлило.

— Ты совсем, что ли? Мне двадцать один год. Я с родителями поссорилась и из дома за тобой ушла. У нас нет ни шкафа ни телевизора, а ты уже умирать собрался.

Он улыбнулся. Только совсем чуть-чуть.

— Обещай.

Я закатила глаза и ткнула его пальцем в бок.

— Ладно. Обещаю. Только и ты обещай.

— Что?

— Не умирать.

Он засмеялся тихо-тихо, наклонился и поцеловал меня в лоб.

— Договорились.

Тогда я подумала, что это просто дурацкий разговор. Один из тысяч разговоров, которые потом забываются. А сейчас я помнила каждое слово. Каждое.

Мои воспоминания прервал вошедший доктор. Я пожаловалась на головную боль. Он позвал медсестру, и та что-то вколола мне в вену. Ещё несколько минут я отвечала на вопросы о самочувствии и воспоминаниях, а потом незаметно для себя провалилась в сон.

Утром я проснулась от того, что жалюзи на окне были отодвинуты, и солнечный лучик щекотал мне лицо. Открыв глаза, первое, что я увидела, была «моя гостья». Вздохнув от того, что ничего не изменилось, я попыталась вспомнить свой сон, не знаю почему, но я была уверена, что это очень важно.

Всплывали какие-то обрывки. Я закрыла глаза, глубоко вдохнула и выдохнула, пытаюсь сконцентрироваться на тех крупинках-обрывках, что выдавало моё сознание. Не знаю, было ли это случайностью или у меня получилось заставить своё сознание перемотать сон, как киноплёнку, назад, но теперь я вполне осознанно, понимая, что это сон, находилась там же.

Я шла, глядя под ноги на серую плитку и прислушиваясь к звуку собственных шагов. Подняв глаза, я увидела, что иду вслед за «своей посетительницей» по ярко освещённому коридору, стены которого покрыты белой плиткой. Справа, одна за другой, в ряд стояли железные каталки, поверх которых были наброшены простыни. Нетрудно было догадаться, что скрывается под этими простынями.

Будто в ответ на мои размышления одна из простыней слегка съехала, и из-под неё показалась синеватая стопа с биркой на большом пальце. Поёжившись от страха, как от холода, я поспешила за своей проводимой. Странно, но мне было совсем не холодно, хотя я знала, что мы сейчас в морге, только не понимала в каком.

Наконец-то мы свернули в какую-то комнату, больше похожую на операционную, настолько здесь было стерильно. Два человека в белых халатах и масках стояли у кушетки, на которую были направлены осветительные приборы. Я замерла в нескольких шагах, боясь,

что меня заметят. В эту же минуту я почувствовала прикосновение холодных пальцев к своей ладони и чуть не завизжала от ужаса. Немного уняв своё сумасшедшее сердцебиение, я подняла взгляд на ту, что привела меня сюда. Я уже знала, что за руку меня держит именно она, только вот зачем, пока не догадывалась.

Девушка-глюк, как про себя я её называла, потянула меня в сторону операционного стола со своим монотонным: «Помоги!» Сделав несколько шагов в сторону гоп-компании в медицинском обмундировании, я замерла, как громом поражённая, потому что увидела, кто лежит на столе. А оперировали там как раз мою провожатую, только в данном случае она была ещё жива, ну или почти жива.

Рядом со столом стояли три контейнера, в двух из которых уже находились почки. Я собственными глазами видела, как их поместили туда, взяв у ещё живой и, видимо, здоровой девушки. Вслед за почками из недр её молодого тела эскулапы вытащили сердце и поместили в третий контейнер. После чего все три контейнера были спешно вынесены за пределы «операционной».

Сделав ещё шаг к лежащей на столе девушке, я лицом к лицу столкнулась с Эдгаром Германовичем, успевшим снять с себя маску. Мы смотрели друг на друга и молчали. Когда же я сделала шаг в сторону двери с намерением сбежать, то увидела в его руках скальпель, направленный на меня. Скальпель был весь в крови, да и резиновые перчатки на его руках тоже. Он растянул губы в улыбке, видимо уже предвкушая победу, а я вдруг вспомнила Лектора, который трапезничал со своей жертвой, мозгом этой самой жертвы. Наверное, подобная участь ожидает и меня. Задумавшись, я не сразу поняла, что врач успел схватить меня за запястье. Я закричала изо всех сил, в надежде, что хоть кто-то услышит и меня спасут.

— Виктория, Виктория! Это всего лишь кошмар, просыпайтесь! Не нужно кричать, это просто сон!

Открыв глаза, я увидела сидящего на кушетке передо мной Эдгара Германовича, он держал меня за запястье и пытался привлечь к себе моё внимание. А вот своей гостью я не обнаружила.

— Виктория, посмотрите на меня. Что вам снилось? — глядя мне в глаза, совсем как во сне, спросил эскулап.

— Не помню, — зачем-то солгала я.

— Совсем?

— Совсем.

— Ну ладно, это не столь важно. Сегодня вас переводят из реанимации и ещё, после обеда к вам придёт следователь по поводу аварии. Если с вашим самочувствием всё будет без изменений, то, думаю, что в течение недели вас выпишут. Но это уже не ко мне. Со своим лечащим врачом познакомитесь на вечернем обходе, — пожелав мне скорейшего выздоровления, доктор скрылся за дверью, а меня не покидало какое-то тревожное чувство, будто что-то очень важное мною упущено.

Через пару часов меня переместили в другой конец коридора, но почему-то опять в одну-местную палату. Хотя, может, и к лучшему, общаться мне сейчас не хотелось. Я слезла с кровати и прошлёпала к окну. Голова слегка кружилась, а ноги так и норовили подогнуться.

Опираясь на подоконник, я выглянула в больничный двор. Какая красота. Всё вокруг было белым-бело, а снег шёл настолько густой, что через несколько метров уже было ничего не видно. Заворожённая этой красотой, я стояла не в силах оторваться от бушующей за окном непогоды.

Следователь постучался и заглянул в палату. О том, что это следователь, и гадать не стоило, так как форма говорила за него. На вид ему было лет тридцать пять, под два метра ростом, подтянутый, с ёжиком коротко стриженных русых волос. Серая форма с капитанскими погонами сидела на нём как влитая.

— Тапёхин Михаил Фёдорович, следователь ОВД Дорогомилово, — подходя ближе, представился страж порядка.

Адрес ОВД я помню и без тебя — Кульнева, четырнадцать, я туда после смерти родителей за справкой ездила. А на форме у тебя верхней пуговицы нет, что для твоего отдела — мелкое нарушение, а для меня — ещё одна галочка к твоему портрету.

Он протянул своё удостоверение, на которое я даже не взглянула:

— Зря не посмотрели, доверяй, но проверяй, — елеинным голосом произнёс Тапёхин.

Я насторожилась. С чего он вообще взял, что я ему доверяю? Как раз наоборот, такие как он доверия мне не внушают. Или это мент так меня программирует? Фигушки, не старайся, дружок! Я уже сталкивалась с вашим братом после смерти родителей, теперь уровень доверия родной милиции ниже фарватера. В данный момент мне даже было интересно, с чем же он пожаловал. Тут же вспомнилась поговорка про любопытную Варвару, оставшуюся без носа.

— Итак, начнём. По факту аварии, в которой погибли четверо, точнее, с учётом самого виновника, пятеро, и пострадали двое, возбуждено уголовное дело. Сегодня мне нужно, чтобы вы дали показания. Что вы видели в момент столкновения?

— Я ничего не видела, так как находилась в задней части автомобиля, а точнее на переоборудованном диванчике. В момент аварии я спала, очнулась, когда почувствовала запах гари, — честно ответила я.

— Да, примерно то же показали очевидцы. Вы в курсе, что ваш муж находился в состоянии алкогольного опьянения и скорость, с которой он следовал, превышала двести километров в час?

— Михаил Фёдорович, вы врётё! — понимая, что родная милиция что-то затеяла, обличила я капитана.

— Что вы себе позволяете? — взъерепенился служивый. — Это оскорбление при исполнении, и статья имеется.

— С триста девятнадцатой статьёй УК РФ я знакома и трактовку её помню. Дабы расставить всё по своим местам, предупреждаю заранее, что работаю я юристом и с Уголовным кодексом знакома не понаслышке.

После недолгого замешательства следователь, видимо, решил вновь открывшиеся обстоятельства развернуть в свою пользу. Очень аккуратно подбирая слова, будто рассчитывая свои шаги по минному полю, он начал подводить меня к «главной теме дня».

— Очень хорошо, что не придётся объяснять вам юридические тонкости. При аварии, окончившейся летальным исходом пострадавших, виновник аварии обязан компенсировать материальный ущерб. А помимо этого, родственники погибших вправе требовать компенсации морального вреда в размере от одного до двух миллионов рублей.

— Увлекательно, только вот главного я не могу понять: при чём тут мой муж? — уже догадываясь, куда клонит служитель закона, спросила я.

— Чего тут непонятного? Так как виновник аварии погиб, вина ложится на собственника авто, коим вы и являетесь. Машина ведь была зарегистрирована на вас. Так что в ваших же интересах не доводить дело до суда, а решить вопрос с семьями погибших и пострадавшей полюбовно. На крайний случай, если нужной суммы нет, напишите им долговые расписки на оговорённые суммы, а когда квартиру продадите, заплатите им деньги, а они вернут вам расписки. Подходит такой вариант? Или есть второй вариант — написать дарственную на квартиру, — довольный самим собой, разулыбался Тапёхин.

— Машина действительно моя, ранее она принадлежала моему отцу. А какую квартиру продавать? — прикинулась дурочкой я.

— Ту, которая на Черёмушках. Потому как, чтобы продать вашу в Ватутинках, нужно полгода ждать, чтобы в наследство вступить. Не покроет она всей суммы, да и пострадавшие

столько ждать не будут, они люди серьёзные, — не заметив подвоха, разливался соловьём следователь.

— Мне нужно это обдумать. Вы извините, я плохо себя чувствую, давайте потом, — решила я потянуть время. А про себя возмутилась наглости и продуманности некоторых особей. Эту бы смекалку да на пользу Родине, а не собственному карману. Ишь как быстро разнюхал про имущество моё. В то, что Михаил Фёдорович бескорыстен, я не верила ни секунды.

— Просто, чтобы вы не сомневались: множество свидетелей дали показания, что ваш муж нёсся с огромной скоростью. Экспертиза же показала, что он находился в состоянии алкогольного опьянения, — решил он закрепить во мне мысль о сотрудничестве с органами в его лице.

— Это враньё! — как можно твёрже произнесла я.

— Вы опять за старое? — наигранно возмутился следователь. — Я-то думал, что вы всё поняли, а вы опять...

— Что опять? Я констатирую факт — у моего мужа была язва, и спиртное он не употреблял вообще, любой знающий его человек это подтвердит.

— Побойтесь Бога! В новогоднюю ночь пьют даже язвенники и трезвенники, — продолжал свой дешёвый спектакль капитан.

— Все, кроме моего мужа и меня. Я тоже в новогоднюю ночь не пила даже шампанское, так как находилась на седьмом месяце беременности. Факт номер два: мой муж недавно водит машину, чуть меньше года. Точнее, водил. Поэтому больше шестидесяти он никогда не ездил, даже по трассе. Не так давно мы ездили в Суздаль, так вот, всю дорогу он шёл шестьдесят, хотя положено девяносто. А вы мне тут про двести рассказываете. Помимо этого, я вообще сомневаюсь в том, что подобное авто может развить такую скорость.

— Как вы выражаетесь, подобное авто может развить скорость и побольше, — обиженно буркнул Тапёхин. — И это не я, это свидетели рассказывают!

— А ваши свидетели в момент аварии в кустах с радаром сидели? — ехидно осведомилась я.

— При чём здесь кусты и радар? Они на глаз определили, примерно, — невозмутимо, гнул свою линию следователь.

— Серьёзно? — фыркнула я. — А что, сотрудники ГАИ тормозной путь авто уже не определяют? Эта методика устарела и на смену ей пришло определение скорости «на глазок»?

— Ехидничаете? А зря!

— Ваши свидетели в ГАИ работать не пробовали? Представляете, сколько бы государство на технике сэкономило? — не могла успокоиться я.

— Зря смеётесь, пострадавшая, между прочим, говорит то же самое!

— Вы мне лучше про камеры расскажите, что они зафиксировали?

— Ничего, — развёл руками Михаил Фёдорович. — Они оказались сломаны.

— Прямо все? И прямо в первое января? Неужто тоже отмечали? По инструкции МВД при ДТП со смертельным исходом дежурный обязан в течение двух часов запросить записи всех камер на участке. Если все сразу «не работают» — оформляется акт за подписью начальника ОБДПС. И таких актов, по которым потом не нашли виновного, в практике моих коллег было ровно ноль.

— Давайте вы лучше отдохнёте, а завтра я приду с бумагами, и мы всё оформим. Отдыхайте, вам силы понадобятся, — пропел «заботливый» капитан и направился к выходу из палаты.

«Чтоб ты провалился», — пожелала я ему мысленно на прощание.

После визита Тапёхина в мою палату прошмыгнула уборщица, до сего момента активно драившая пол непосредственно под дверью палаты. Причём делала она это так активно, что даже следователь под конец напрягаться начал.

— Ты вот что, детка, этого ирода не слушай. Наши бабы говорят, что всё наоборот было, и свидетелей тому тьма. А ингуш этот ритрейсером был.

— Кем, Зинаида Степановна? — спросила я женщину, годившуюся мне в матери и успешную навестить меня сегодня после перемещения и предложить свою помощь, от которой я, конечно, отказалась, но забота мне была приятна.

— Ну, гонщиком, значит, — поразила моему тугодумию уборщица.

— А... Стритрейсером, наверное?

— Ну, так я так и сказала, — возмутилась старушка. — В общем, неважно это, ты другое пойми: денег никому платить не вздумай! И бумаги, которые он тебе завтра приволокёт, не подмахивай. Скажи, что тебе с ентим самым адвокатом, значит, поговорить требуется, посоветоваться. А вообще тебе ехать нужно на этот самый Кутузовский, и с домом двадцать четыре, ну то есть с жильцами его, поговорить надо. Мне внук вчера показывал видео, которое в Ютубу — енто у них место такое, где всё смотреть можно — выложили, видео, как ваша машина в аварию попала. И про девчонку выжившую не слушай! Какой из неё свидетель, если она того, Богу душу отдала. Сегодня ночью и преставилась, ага, здесь же в Склифе. Вас практически одновременно скорые привезли, только за тебя хлопотать некому было. А за неё отец гонщика ентого бегал, просил, угрожал и деньги совал. Вот и с милицией подсуетился. Не верь никому, — выпалила сердобольная старушка.

— Как же жить тогда, Зинаида Степановна, если веры никому нет? — спросила я её. А в моих глазах уже стояли слёзы, готовые затопить не только мою палату, но и всю больницу.

— Ты поплачь, дочка, поплачь! Нельзя в себе такое горе держать. Вот и бабы наши все дивятся, что такое несчастье у тебя, а ты ни слезинки не проронила. А я ведь правильно сказала, что не плачешь ты, потому как пожалеть тебя некому. Ты поплачь, а оно, глядишь, полегчает, — говорила старушка, прижав меня к себе и глядя по голове, будто убаюкивая.

Наверное, она оказалась права, так как стоило ей меня пожалеть, и слёзы не заставили себя долго ждать. За этим занятием нас и застала медсестра, заглянувшая в мою палату, а увидев, подняла страшный крик.

— Зина, ты рехнулась? У девчонки травма головы была, с того света еле вытащили, а ты вместо того, чтобы меня позвать, слюни ей вытираешь, — злилась медсестра, делая мне укол в вену.

— Чёрствая ты женщина, Валентина. У девочки такая трагедия, в один день и мужа, и ребёночка потеряла. Сиротинушкой осталась, даже голову приклонить не к кому, а ты ворчишь, — обиделась уборщица.

— Больно ты жалостливая, Зина. Ничему тебя жизнь не учит. Ты вот невестку свою тоже жалела — сиротинушка детдомовская, любви не видела, — пародировала старушку медработница. — Теперь вот сына благодаря ей из зоны ждёшь, а она хрен знает куда умотала, дитё на тебя повесив. Дожалелась?

— Ты не сравнивай жопу с пальцем, — проворчала уборщица.

— А кто здесь жопа? — усмехнулась медсестра.

Они ещё о чём-то спорили и припирались, но я этого уже не слышала, потому что моё сознание затуманилось, и я погрузилась в объятия Морфея.

Проснувшись глубокой ночью, я не сразу поняла, где нахожусь. В комнате было светло благодаря свету фонаря во дворе, удачно расположенному недалеко от моего окна. Потянувшись за водой, стоявшей на тумбочке, я чуть не упала с кровати. А всё потому, что «моя недавняя посетительница» вернулась, да не одна.

Она опять стояла в углу палаты, но в этот раз о помощи не просила. «Гостя» безучастно стояла в углу, держала на руках младенца. Не знаю почему, но я инстинктивно потянула руки, как бы прося дать мне ребёнка. И когда девушка развернула малыша ко мне, я поняла, что он живой. Да, живой. Осмысленный взгляд маленьких глаз и розовые щёчки не оставляли сомне-

ний. Когда же младенец протянул ко мне свои ладошки и я увидела на них родимое пятно, мне захотелось завывать белугой. В моей голове снова раздавался загробный голос с просьбой о помощи.

Я зажмурилась и, сосчитав до десяти, открыла глаза. Посетители исчезли. Точнее, исчез только один — ребёнок. Девушка всё так же оставалась стоять, только теперь её руки свисали вдоль тела. Тогда я ущипнула себя за бедро и, взвизгнув от боли, снова уставилась в угол.

Нет, это явно не глюк, иначе бы она исчезла, а она здесь. Тогда кто? Призрак? Опять мимо, я же не экстрасенс, не маг и не шаман. С духами умерших в контакт не вхожу, значит, всё же глюк? Её же кроме меня никто не видит, значит, это плод моего воображения. Я бы даже сказала, моего больного воображения. Только теперь воображение решило поиздеваться надо мной, подсовывая мне мою мертворождённую дочь. Это уже садизм какой-то. Может, у меня раздвоение личности? Нет, не подходит. А может, молитву прочитает? Ага, конечно. Чтобы молитву читать, в Бога надо верить и крещёной надо быть. Ну нет, во Всевышнего я, соответственно, верю, только вот с религией не до конца определилась, поэтому и Бог у меня какой-то единый. А вот с крещением косячок, тут, конечно, ничего не скажешь. Блин, мне бы ноутбук сюда. Хотя какой ноутбук, мне психиатр нужен. С этими мыслями я опять провалилась в сон.

Утром я проснулась от криков в коридоре, голос был очень знакомым. Навострив уши, я попыталась понять, кто же там так бурно выясняет отношения.

— Ну и что, что я не родственница? У неё вообще родственников нет, что же ей теперь, голодной тут у вас лежать?

— Успокойтесь, женщина. Здесь всех кормят, никто голодным не лежит.

— Ага, кормите. Едой вы это называете? Это же гадость, ей сейчас нормальная еда нужна, а не ваша баланда. Не хотите меня пускать — передайте ей хоть супчик куриный, для неё ведь варила.

Не дожидаясь, пока скандал разгорится с новой силой, я выглянула в коридор.

— Пропустите, пожалуйста, это тётъ Глаша, она мамина подруга.

В мою сторону повернулись обе головы, после чего на лице Лисицы (так мамуля величала свою единственную подругу) начала расплзаться улыбка. Лицо же медсестры приобрело недовольное выражение.

— Девочка моя, как ты похудела, — сокрушалась тётъ Глаша, двигаясь в мою сторону. Подойдя ко мне, она поставила свою сумку на пол и обняла меня. Так мы и стояли какое-то время.

Когда родителей не стало, тётъ Глаша помогла мне принять эту потерю. Она была рядом, и я всегда чувствовала её доброту и тепло. Своих детей у неё было двое, но мне казалось, что я реальный член её семьи, а они вымышленные. Вроде как они есть и вроде как их нет. Тётъ Глаша всегда сетовала на то, что дочери Господь ей не дал, а сыновья — это так, отрезанные ломти. Что уж она под этим подразумевала — поди разбери.

— Как ты тут? Хотя чего это я ерунду горожу, как ты можешь быть, когда кровинку свою потеряла. Да и Витьку жалко, хороший был парень, не чета моим шалопаям. Ой как жалко-то.

— Тётъ Глаша, не нужно. А то я сама сейчас разревусь.

— А ты поплачь! Слёзы, они ведь как лекарство. Ты знаешь, я ведь не успела твоих забрать. Пока то да сё, приехала, а мне говорят, что забрали Витю уже. А про дочь вообще что-то невнятное. Мол, государство похоронило. Где похоронило, как похоронило — никто ничего не говорит. А про Виктора я и не поняла сначала, кто мог забрать, у него же и родни-то не было. А оказалось, что с его работы люди денег собрали на похороны. Я позвонила им, они и сказали, что и когда. Хоронили на Ватутиновском. Как выпишут тебя, мы обязательно съездим, помянем. Ты знаешь, про аварию-то вашу по всем каналам показывали. Те, что врезались в вас, молодые ещё совсем ребята были, заживо в машине сгорели, только девушку спасли. А

сегодня передали, что и девушка умерла. Там в этой машине парень из какой-то там группы музыкальной был, а группа известная очень, молодёжная, только вот название не помню. В общем, говорили, что не первая это их авария. Носились они как угорелые, и машина там какая-то у них скоростная. Вот и доносились. Упокой Господь их душу.

— Тётя Глаш, а что говорили, кто в аварии виноват: Витя или ребята эти?

— Ребята, говорили, виноваты. Они на встречную выехали, а скорость, говорили, больше двухсот. По Первому каналу аккуратно после Нового года и показали. В десять утра новости были, там и показали. Я бы и не поняла, кто разбился, да по телевизору показали, как тебя из машины вытаскивали. Ой, Господи, что делается-то. Ведь ни за что ни про что и себя загубили, и Витеньку с собой забрали.

Тётя Глаша говорила, а по её щекам бежали слёзы. Я смотрела на неё и ничего, кроме дыры в груди, не ощущала, ну ещё, может, боль. Жгучую боль от утраты. Глаза мои были сухими, а мысли какими-то скомканными. Только горькое осознание пустоты и одиночества не покидало меня.

В себя я пришла уже на кровати. Врач что-то сердито выговаривала Лисице, а та смотрела на меня виноватыми глазами и утирала слёзы. Мне же в этот момент медсестра делала укол, наверное, опять или успокоительное, или снотворное. Почему-то момент того, как я оказалась на кровати, выпал из моей памяти.

Может, я упала в обморок? Додумать я не успела, так как провалилась в сон.

Проснувшись я только утром. Обход врача прошёл как в тумане. Потом явилась Катька, зачем-то притащившая полный пакет апельсинов и конфет. Странное сочетание. Она пробыла у меня почти два часа. Всё это время подруга держала меня за руку и смотрела глазами побитой собаки.

— Кать, ну чего ты так на меня смотришь?

— Нормально я смотрю. Ты лучше расскажи, как себя чувствуешь. Доктор говорит, что травма головы может потом аукнуться осложнениями, — ушла она от темы разговора.

— Кать, не вилай, что случилось?

— Вик, ерунды не спрашивай! У меня подруга три недели в коме отлежала. А друга вообще не стало. Ты же знаешь, что мне Витка как брат был. Вик, ты только нос не вешай, всё ещё будет. У тебя есть я. У меня есть ты. Ты же знаешь, я за тебя любого порву. Я, кстати, когда ты в реанимации была, решила врача твоего, Эдгара... Как-то его там по отчеству заставить работать...

— Денег дала? — перебила я подругу.

— Попыталась, — поправила она меня. — Так он так развизжался. Верещал, что милицию вызовет. Прямо показательное выступление устроил.

— Наплюй, всё нормально. Ты мне лучше скажи, как тебя ко мне пропустили?

— Денюжками пошуршала. Я договаривалась о хорошей палате, а тебе какую-то обычную дали, — скривилась подруга.

— А я-то гадаю, почему никого не подселяют.

Катька улыбнулась и сжала меня так крепко в своих объятиях, что чуть не переломала мои рёбра.

— Вик, я побегу. На работе просто задница. Завтра обязуюсь быть. Чё притащить-то тебе?

— Ничего не надо. Я ничего не хочу. Ты просто приходи и всё, — ответила я, опуская глаза, чтобы скрыть слёзы.

Катька чмокнула меня и убежала. А буквально через полчаса явился вчерашний мент. Его визит я запомню надолго.

— Как вы себя чувствуете сегодня, Виктория Дмитриевна? — елеиным тоном поинтересовался Тапёхин.

— Замечательно, только что от радости при виде вас не прыгаю. Разве не видно? — решила не оставаться я в долгу.

— Юморите? Значит, на поправку семимильными шагами движетесь, — продолжал разглагольствовать капитан.

— Откуда такие сведения? Вы, случаем, медицинское образование не получали, а, Михаил? Извините, позабыла, как вас по батюшке величать? — продолжала я издеваться над ментом.

— Ничего страшного, я напомним, Фёдорович я. А теперь к нашим баранам.

— Это вы, простите, о ком? И почему вы о себе во множественном числе? — перебила его я.

Мне очень хотелось вывести его из себя. Хотелось, чтобы он убрал свой лживо-слащавый тон, сбросил свою, что называется, овечью шубейку и показал истинную образину. А иначе как волком в овечьей шкуре я его не видела. Волчарой, который желает нажиться на чужой беде. Хотя нет, волк — это благородное животное. Тапёхин — это скорее шакал. Падальщик, который сам не охотится. Либо ворует чужое, либо питается падалью и отбросами. Мерзкое существо. Видимо, прочитав мои мысли, Михаил растянул губы в улыбке, больше похожей на оскал. Желваки на его скулах заходили, а глаза сузились.

— Обидеть хотите? А зря, я ведь вам помочь пришёл, пока ещё можно вам помочь. Вы ведь одна остались, ни мужа, ни родни.

— Справки наводили? Похвально. Только бы не надорваться вам, помогая мне. Хозяин-то ваш это вряд ли оценит. Лишнюю косточку со стола точно не бросит. Сколько вам пообещали за помощь, а, капитан? — сказала я, наблюдая за тем, как меняется его цвет лица, а сама улыбнулась. То, что он сделает в следующий момент, я просто не ожидала, потому сразу и не среагировала.

Он подскочил ко мне и, схватив за волосы, резко дёрнул на себя.

— Слушай сюда, тварь, никуда ты не денешься! Подпишешь все бумаги, как миленькая! Иначе я тебя живьём сгною! — зло прокаркал мент, брызгая на моё лицо своими слюнями.

— Руку убери, — спокойно сказала я. — А с родственниками ты просчитался. В следующий раз лучше справки наводи.

Руку он убрал. Встал, поправил форму и направился к двери. У двери он обернулся и зло прошипел:

— Ты, сучка, пожалеешь, что на свет родилась! Сама приползёшь и не на одну, а на две квартиры документы подпишешь.

— Не подавишься? Как бы тебе самому без работы не остаться, да на скамье подсудимых не оказаться, помогайщик ты наш сердобольный. Чего встал? Топаи отсюда, пока я медперсонал не позвала и заявление на тебя не написала, — отчеканила я. Ещё час назад я лежала в кровати, не зная, удержусь ли на ногах, если захочу встать... а тут уже выгоняю с этажа капитана полиции. Юрист в пижаме, вид сбоку.

Он вышел, забыв попрощаться, а дверью хлопнул так, что я думала, она с петель слетит. Придурок чёртов!

Вдох, выдох, вдох, выдох. Счёт до десяти помог мне успокоиться, хотя руки дрожали.

«И как таких недоумков земля носит», — подумала я. В палату заглянула удивлённая шумным уходом мента медсестра по этажу.

— У вас всё нормально?

— У меня да, а вот товарищу, что вышел отсюда, успокоительное бы не помешало, — ответила я, улыбаясь.

Медсестра хихикнула и скрылась за дверью. А спустя пару часов ко мне зашёл Эдгар Германович. Не на обход — он уже не был моим лечащим врачом. Просто заглянул.

— Можно? — он постучал костяшками пальцев по косяку двери.

Я кивнула. Доктор вошёл слишком тихо. Я даже не услышала его шагов. От него пахло чем-то дорогим — то ли лосьоном после бритья, то ли одеколоном, — но под этим запахом всё равно чувствовались запахи больницы: спирта, лекарств, резиновых перчаток и чего-то ещё, неуловимо сладковатого-тошнотворного, чем обычно пахнет в операционных.

Он прикрыл за собой дверь. Не полностью, оставив небольшую щель. Почему-то именно это меня насторожило. Эдгар Германович сел не на стул, а на край моей кровати. Очень аккуратно. Слишком аккуратно. Будто боялся потревожить или хотел казаться безопасным. Я машинально подтянула одеяло выше к груди. Он заметил. Я поняла это по глазам. Вообще взгляд у него был неприятный. Не потому что злой — наоборот. Слишком спокойный. Внимательный. Такой взгляд бывает у людей, которые привыкли постоянно что-то оценивать и просчитывать и держать под контролем. Казалось, что доктор не разговаривать со мной пришёл, а изучать, как подопытную мышь. Причём не из любопытства, а чтобы понять: опасна она или нет.

— Виктория Дмитриевна, я хотел проверить, как вы. По-человечески. Без карты, без обхода.

Говорил он мягко. Почти заботливо. Только почему-то от этой «заботы» по спине полз холодок. Такой же липкий, как бывает, когда в тёмном переулке за тобой кто-то идёт слишком близко.

— Спасибо, — тихо ответила я.

Он кивнул, сцепив руки в замок. Чистые ногти. Идеальный маникюр. Дорогие часы. Тонкие длинные пальцы человека, который никогда в жизни не таскал ничего тяжелее медицинских инструментов.

Почему я вообще рассматриваю его руки? Наверное это было потому, что я боялась смотреть ему в глаза. Я не из пугливых, но этот эскулап вызывал во мне странные чувства... Что-то на грани животного страха, отвращения и одновременно гипнотического желания верить во всё что он говорит. По собственной воле я бы точно не изъявила желания с ним общаться, а остаться с ним наедине — тем более. Ганнибал Лектер мне не симпатичен, а этот тип уж слишком сильно на него очень смахивал. Не внешностью даже. Манерой держаться. Спокойствием. Тем, как он смотрел на людей — будто уже знал, что у них внутри.

— У меня была пациентка, — спустя пару минут произнёс врач. — Год назад. Похожая история: авария, потеря... Она вышла из больницы и через две недели её привезли обратно. С передозировкой.

Он говорил спокойно. Слишком спокойно для человека, рассказывающего о смерти. Ни сочувствия в голосе. Ни сожаления. Только ровная интонация врача, обсуждающего результаты анализов.

— Я не успел.

Эдгар Германович смотрел куда-то в окно, и на секунду мне даже показалось, что он действительно переживает. Только на секунду. Потом он повернулся ко мне и я снова увидела этот взгляд. Внимательный. Цепкий. Считывающий. Будто доктор мысленно вскрывал мой череп и аккуратно перебирал мысли, пытаясь понять, что именно у меня в извилинах.

— Вы про дочку ещё спросите?

Я вздрогнула.

— Что?

— Я почему-то жду, что вы спросите.

Он слегка улыбнулся. Не уголками губ даже — глазами. И от этой улыбки мне стало совсем не по себе. Так улыбаются люди, которые заранее знают ответы на все вопросы.

— Многие в вашем состоянии не верят. Им кажется, что произошла ошибка.

Я молчала. Хотя ещё минуту назад действительно хотела спросить. Сейчас — нет. Сейчас мне хотелось только одного: чтобы врач ушёл. Чтобы перестал смотреть на меня так, будто мы уже играем в какую-то игру, правил которой я пока не понимаю.

— Если будете спрашивать — спрашивайте меня, — произнёс он всё тем же мягким голосом. — Не дёргайте регистратуру. Не пишите запросов. Я отвечу честно.

Эскулап сделал небольшую паузу.

— По старой памяти.

Последние слова прозвучали странно. Будто это было не предложение помощи, а предупреждение. Или попытка держать меня поближе к себе, чтобы я не полезла туда, куда не нужно. Он поднялся, поправил халат — медленно, тщательно, словно стряхивал с себя невидимую пыль, — и вышел из палаты. А я ещё долго сидела, не двигаясь, и пыталась понять, что это сейчас было — забота, угроза или попытка заранее взять меня под контроль.

В каком-то тягучем тумане прошла вся следующая неделя. Иногда, на грани сна и яви, я видела не только «Гостью-глюк», которая так полюбила мою палату. По коридору, за дверью, ходили и другие. Тенями. Без чётких очертаний. Иногда я могла разобрать силуэт: мужчину в сине-оранжевой робе, женщину в цветастом платье с оборками, совсем молодого парня в сером брючном костюме и ещё многих — менее запоминающихся, будто стёртых временем. Все они шли в одну и ту же сторону и никогда не возвращались обратно. Самое страшное было не в них. А в том, как они двигались. Медленно. Спокойно. Без единого лишнего жеста. Так идут люди, которые уже знают, куда попали.

Поначалу я думала, что это обычные пациенты. Живые. Просто мой мозг после аварии чудит. Потом обратила внимание, что они проходят мимо моей палаты совершенно бесшумно. Ни шагов. Ни шороха одежды. Ни скрипа подошв по линолеуму. А ещё они проходили сквозь людей. Однажды медсестра торопливо катила тележку с капельницами, и мужчина в робе просто прошёл прямо через неё, будто её тела не существовало вовсе. Девушка даже не вздрогнула. Только у меня по позвоночнику тогда пополз такой холод, что зубы свело. Но страха почему-то уже не было. После постоянного созерцания своей «Гости» я будто перегорела внутри. Человек не может бояться бесконечно. В какой-то момент ужас становится привычным, как капельница над головой или запах хлорки в больничном коридоре.

Иногда они останавливались возле моей двери. Не заходили. Просто стояли. Смотрели. Особенно парень в сером костюме. Совсем молодой, лет двадцать, не больше. У него была разворочена половина лица, но при этом он продолжал улыбаться — спокойно, почти виновато. От этой улыбки меня мутило сильнее, чем от лекарств. Я отворачивалась к стене, натягивала одеяло на голову, закрывала глаза, но всё равно чувствовала на себе их взгляды. Долгие. Пустые. Неживые. А по ночам мне начинало казаться, что в палате становится тесно. Будто кто-то стоит совсем рядом с кроватью и молча наблюдает за тем, как я дышу.

Попеременно меня навещали то Катюша, то тётъ Глаша. Обе пытались развеселить и утешить. Таскали полные сумки еды, от чего моя палата напоминала фруктовый ларёк. Только выглядело это всё странно — слишком живым на фоне того, что творилось вокруг меня. Катя что-то рассказывала, смеялась, ругалась на врачей, тётъ Глаша гладила меня по волосам и совала в руки пирожки, а я временами ловила себя на том, что почти не слышу их. Потому что за их спинами кто-то стоял. Молчаливый. Терпеливый. Ждущий. И стоило мне моргнуть — исчезал.

В один из дней ко мне заглянул врач и сказал, что сегодня меня выписывают. Вещи у меня были — тётъ Глаша принесла их в один из своих приходов. И вместо радости я вдруг почувствовала настоящий страх. Потому что впервые за всё это время поняла: выходить из больницы мне не хочется. Здесь, среди капельниц, запаха лекарств и мёртвых теней в коридорах, я хотя бы начала привыкать к происходящему. А что ждёт меня там, за дверями Скифа, я не знала. И почему-то была уверена — «Гостья» меня уже не отпустит.

При выписке мне отдали сумку моего мужа, в которой были ключи от нашей квартиры, а ещё его карточки и деньги. Беря её в руки, я в полной мере ощутила, что Виктора больше нет и никогда не будет. Что я уже никогда не смогу его обнять и сказать, как сильно я его люблю и как мне с ним повезло. Какой он замечательный, как спокойно мне рядом с ним. Я прижимала сумку к себе, а из глаз моих катились слёзы. Как много я не успела ему сказать...

— Девушка, вам плохо?

Этот вопрос вывел меня из оцепенения. Подняв глаза, я увидела медсестру, с жалостью смотрящую на меня.

— Может, вам воды?

— Нет, всё в порядке. Спасибо, — ответила я и, поблагодарив девушку, пошла к выходу.

Приехав домой, я сняла верхнюю одежду и, забравшись с ногами на диван, решила посидеть в тишине, но звонок мобильного мои планы нарушил.

— Виктория Дмитриевна, это вас Тапёхин беспокоит. Вам надо в УВД подъехать. Завтра к десяти утра я вас жду, — тараторил мент в трубку, не давая мне вставить и слова.

— Послушайте, Михаил Фёдорович, ни в какое УВД я не поеду, как видите, даже причину вызова не спрашиваю. А если вам действительно надо, то вызывайте меня повесткой, по-другому не явлюсь. И заканчивайте мне названивать. Я помню наш разговор в больнице, так что притворяться не обязательно, — проговорила я в трубку и нажала отбой. Перед тем как телефон отключился, я отчётливо услышала: «Ты пожалеешь, тварь».

Ничего нового он мне не сказал, но своим звонком настроение подгадил. Хотя куда уж хуже. Больше трубку я брать от него не буду. На диване в одиночестве я просидела до вечера. В одиночестве — это если, конечно, не считать всё того же больничного призрака, увязавшегося за мной и домой. Ну или кем ещё она может быть? Фантом, мираж, видение — не знаю. По виду это была просто мёртвая девушка, ну так она мне, по крайней мере, виделась. За время, что я её вижу, она уже успела обзавестись трупными пятнами и сменить цвет кожи с бледно воскового на какой-то зеленовато-синий. Да, именно так, потому как, когда я увидела её первый раз, она выглядела иначе. Свежее, что ли. Если слово «свежесть» вообще применимо к трупу. Да и труп ли это? Но не призрак точно, так как призраки выглядят всегда одинаково... наверное. А она меняется, и при этом не в лучшую сторону.

Я, честно говоря, упустила момент появления её в моём доме. То ли она сопровождала меня из самой больницы, то ли привязалась где-то по дороге, а может, сразу появилась прямо здесь. Меня это мало тревожило, да и сам призрак меня не пугал, я уже привыкла к ней в больнице. Она то появлялась, то исчезала, то просила о помощи, то просто молчала и ходила за мной, как тень.

Кто-то звонил в дверь, потом на телефон, но я решила притвориться, что меня нет. Мне не хотелось никого видеть. Я мучилась вопросом: «Почему я осталась жива? Для чего? Меня в этом мире никто не ждёт и не держит. Мне больше некуда бежать и незачем спешить. Так почему?»

В голове я начала искать варианты выхода, точнее, входа туда, куда не попала. Сигануть вниз с крыши? Не, я не смогу, высоты боюсь, в этом смысле трусиха я жуткая. Вены? Нет, не вариант, это боль, а инстинкт самосохранения у меня развит будь здоров. Таблетки? Да, наверное. Но какие? У меня ведь кроме валерианы и таблеток-то нет. Мы даже болеутоляющие с Витей не пили. Если болела голова, то муж мне просто варил крепкий кофе, и всё проходило. Простуду мы лечили мёдом с лимоном и малиновым вареньем. Напиться валерианы?

От раздумий меня отвлек шум на лестничной площадке. Кто-то пытался выломать дверь в нашу квартиру. Точнее, уже в мою, мою квартиру. Я встала и нехотя пошла на шум.

— Открывай, я знаю, что ты дома. Если не откроешь, я спасателей вызову, скажу, что ты решила повеситься, — надрывалась Катерина.

Катя относилась к той категории людей, которым, как говорится, проще дать, чем объяснить почему нет. Я нехотя открыла замок и хотела выйти на площадку, но не тут-то было. Катка втолкнула меня назад в квартиру и ввалилась следом. Дверь она захлопнула ногой, так как руки её были заняты, в обеих руках она держала по пакету.

— Вот, лечить тебя пришла и заодно расскажу тебе кой-чего. Не хотела, да, видимо, придётся, а то натворишь делов, как я в своё время, — объяснила она и пошла на кухню.

Верхней одежды на ней не было, а из обуви — тапочки, значит, она предварительно поднималась к себе. Я вздохнула и поплелась следом.

Катка выкладывала на стол нехитрую снедь, но больше всего меня поразило обилие спиртного. Заметив мой взгляд, она подмигнула мне.

— Не ссы, всё в дело пойдёт! Просто не знала, на чём остановиться, вот и взяла всего понемногу.

Она выставила на стол последнюю бутылку, затем положила блок сигарет, а пустой пакет отбросила в сторону.

— Убираться потом будешь, когда в себя придёшь, а сейчас мы будем пить, курить и за жизнь говорить, — сообщила Катерина, нарезаая колбасу неровными ломтями, кромсая лимон, а потом хлеб.

Я смотрела на всё это, как зритель. Бутылка коньяка, виски, водки, текилы и две бутылки пива.

— Кать, ты решила меня алкоголичкой сделать? — спросила я, уже даже не сомневаясь в том, что пить придётся.

— Вик, я тебя не только пить научу, я тебя и курить научу. В твоём положении лучше уж выпить, чем с крыши сигануть.

Я поёжилась от того, что Катка видела меня насквозь.

— Ну садись, чего стоишь, как не родная? — проговорила подруга, разливая коньяк.

— Может, лучше пиво? — попыталась я склонить Катерину к разумному.

— Пиво на опохмел оставим. С утра знаешь как головушка бо-бо будет. Вот тогда пиво и выпьем, чтобы жить захотелось. А сейчас коньячку, вон лимончиком закусывай.

Мы чокнулись, и я выпила. Рот обожгло горькой жидкостью. Я ожидала, что меня затошнит или появятся ещё хоть какие-то нехорошие симптомы. Но нет! Такое ощущение, что это действительно то, чего так ждал мой организм. За первой последовала вторая, потом третья, четвертая, потом я перестала считать. В голове затуманилось, и мне показалось, что боль отступила. Катка сунула мне в руки сигарету и зажигалку, сама она уже дымила, используя вместо пепельницы консервную банку от печени трески. Я, глядя на неё, поднесла зажигалку к сигарете, прикурила и втянула в лёгкие дым. Ничего не случилось. Я не закашляла. Меня не затошнило. Просто ноги стали какими-то ватными и немного закружилась голова.

— Вот, ты кури и слушай. Не хотела я тебе рассказывать, да, видно, надо.

Катка налила себе ещё, выпила, вытерла рот тыльной стороной ладони.

— Только без слюней, лады? Я слюней не выношу. Ни своих, ни чужих.

— Лады.

— Дело было девять лет назад. Ты ведь в курсе, что мой отец прокурором области был? Он ведь хороший был мужик, правильный. За что его и не любили — ни коллеги, ни руководство. Мы тогда на Малом Кисельном в Москве жили, это уже потом я сюда, в бабкину квартиру, переехала, а тогда мы её сдавали. — Она помолчала, обводя пальцем кромку стакана. — Я к чему. Был у нас дом здесь недалеко, мы его под дачу использовали. Дом старый, деревянный, но добротный. Банька во дворе. Очень отец этот дом любил, и как выходные — так туда. Он... знаешь, у мужиков иногда бывает — место, куда они уезжают, чтобы быть собой. Вот у него был этот дом. И мама там расцветала.

Она опять помолчала.

— В тот день отец тоже приехал туда с мамой, так как Маришкин день рождения отмечать планировали. Маринка... Сеструха моя. Двадцать восемь ей было. Они с мужем приехали с детьми. Племянки мои. Алёшке — шесть, Сонечке — четыре.

— Катюш...

— Молчи. Не сбивай. — Она прикурила. Руки у неё были спокойные. Так бывает у людей, которые девять лет это себе рассказывают. — Я не поехала. Был конец мая, у меня выпускные экзамены на носу, как раз институт заканчивала. Так вот, в пятницу я на дачу не поехала. Маме пообещала, что в субботу утром приеду, а сама в квартире осталась к экзамену готовиться. Так и просидела всю ночь за учебниками и, соответственно, утром проспала. Ехала на дачу и думала о том, что вот приеду и люлей от родителей получу, не зря они мне звонить не стали. Ясное дело, обиделись. Я тоже не звонила, стыдно было. «Я ещё порадовалась, подумав: “Вот явлюсь, они подуются-подуются и простят — это лучше, чем по телефону нотации выслушивать”». Но, как потом оказалось, они не звонили, потому что уже некому звонить было. Приехала я аккурат на головешки полюбоваться.

Затяжка. Длинная.

— Их пятеро было в доме. Из машины я выходила и видела не пожарных. Я видела соседей. У наших соседей мальчишка с нашим Алёшкой дружил. Так вот этот мальчишка стоял у забора и плакал. И мне его мать говорила: «Катенька, иди домой, иди домой, тебе нельзя смотреть». А я не понимала. Я думала, может, баня сгорела. Думала, может, кого-то током ударило, в больницу повезли.

Молчание.

— Вик, ты налей мне ещё.

Я налила. Она выпила.

— Знаешь, я стояла, смотрела и не могла понять, куда делся дом, где все. Почему столько народа вокруг. И скорая, и пожарные, и милиция. Ходят по пепелищу, что-то там разгребают, фотографируют. Я не понимала, Вик. Я полчаса не понимала. Я ходила между этими людьми, как дура, и спрашивала: «А где папа? А где Маришка? А где Алёшка?» И мне никто не отвечал. Они на меня смотрели и не отвечали. У них у всех были такие лица — как будто они проглотили что-то и не могут выплюнуть.

Она затушила сигарету в банке.

— Потом приехал отцов помощник. Серёжа. Он один не побоялся. Он мне сказал: «Кать, никого нет». И вот после слова «никого» я... знаешь, у меня тогда что-то в голове щёлкнуло. Как будто кто-то выключил тумблер. И до сих пор не включил полностью. А потом увидела обгоревшую машину отца возле дома. Всё. Провал.

Затем была больница и наглый мент, который то ли предполагал, то ли утверждал, что я родителей подожгла, предварительно облив дом бензином и двери подперев. Для чего мне это нужно было, он уточнить забыл. Дом ближе к утру загорелся, когда все спали. Вот и сгорели заживо. Три месяца в больнице. Потом выписка.

Домой вернулась, ванну наполнила и вены отцовским станком, точнее, лезвием из него, перерезала — и на руках, и на ногах. Чтобы быстрее всё закончилось. Да тётка, матери сестра младшая, не вовремя припёрлась, меня после больницы проверить. Вызвала скорую. Опять больница, следом другая.

В психиатрической полгода провалялась, вышла овощем. Года два ни с кем не общалась, как затворник жила. Квартиру в свинарник превратила и сама опустилась. Что день, что ночь — всё смешалось. Жила и всё думала, почему я тогда на дачу не поехала? Почему в квартире осталась к экзаменам готовиться? Сейчас бы рядом с родителями была. В общем, неизвестно, до чего бы я там додумалась, если бы не случай.

— Почти как я сейчас, — прикуривая очередную сигарету, вставила я.

— Вот, вот и я о чём. Так вот, как стемнело, я выбралась за жратвой в магазинчик, который в соседнем дворе был. Уже спускаясь на первый этаж, услышала какую-то возню. Ну и крикнула, что сейчас милицию вызову, мол, задолбали наркоманы долбанные. Кто-то из подъезда шасть — и убежал. Света в подъезде не было. Я дверь подъездную приоткрыла и осмотрелась, а у стены девчонка беременная вся в крови. Я шум подняла, люди скорую вызвали. Девчонку ту спасли, ребёночка её тоже. Оказалось, что любовничек её бывший не обрадовался, когда узнал, что она беременная. Он женат был, и там всё у него гладко. На сторону гульнул, да не рассчитал. А зачем ему она? У него жена, тесть при погонах, ему проблемы ни к чему. Он сначала по-хорошему дурёху уговаривал аборт сделать, она ни в какую. Вот и решил одним разом от обоих избавиться. Поймали его потом. Тесть не то что помогать ему не стал, а сделал всё, чтобы парень с лихвой получил. Я после того случая порядок и в квартире, и в своей голове навела. Поняла, что Бог меня не просто так в живых оставил. Две спасённые жизни — тому доказательство. Теперь вот как тяжело на душе становится, я к мощам Матроны на Таганку еду. Постою, подумаю да сил попрошу. Сейчас вот приюту одному помогаю. Езжу каждые выходные как волонтер, вольеры чищу, вкусняшки вожу. Звери, они знаешь какие? Они не смотри что звери... Они всё понимают. Я бы и себе взяла, да как одного взять, когда полприюта любимчиков, — Катька вздохнула и затушила уже успевшую истлеть до самого фильтра сигарету.

— А я кошек люблю, они ласковые, домашние, и гулять с ними не надо, — сказала я, раздумывая, а не завести ли действительно кошку.

— Так возьми котёнка, их знаешь сколько в приюте? Они ведь как детки маленькие, им ласка и любовь нужны. А вообще, не майся-ка ты дурью, мысли все твои на лбу написаны. Запомни: если Бог тебя не прибрал, значит, здесь ты нужна. Или желание в дурке поваляться появилось? Ты так и знай, я тебя, если понадобится, караулить буду, но руки на себя наложить не позволю.

— Кать, ну какой из меня самоубийца? Прыгать с крыши я не стану, высоты боюсь. Чтоб вены перерезать, у меня духу не хватит — это же больно очень. А членовредительством я не страдаю. Вариант с повешением я, конечно, не рассматривала, но жутко это как-то. А чтоб таблеток наглотаться, эти самые таблетки иметь надо, а у меня только валерьянка, — развела я руками, смеясь.

— Значит, ты уже вон куда продвинулась, способы подыскивала. Вовремя я всё-таки пришла, раз уже все варианты ты успела обдумать, — ухмыльнулась Катерина и встала открыть форточку, потому как вся комната плавала в дыму.

— Успела, да что толку-то.

— Ты мне это брось. Я вот завтра вечером почти на месяц в Челябинск в командировку улетаю, там наш филиал открывают, проконтролировать нужно. А когда вернусь, мы с тобой к мощам Матронушки съездим. Матронушка, она, знаешь, всем помогает, кто её об этом просит. Тебе за этот месяц дел нужно утрясти уйму. И со страховкой автомобильной разобраться. И у нотариуса по наследству узнать. И с работой своей что-то решить, и ещё много всего сделать. А за делами время летит незаметно. Ты только не дури. Я тебя потом обязательно в собачий приют свожу. Договорились?

— Договорились. Кать, что мне делать? Меня тут мент один достаёт. Он сначала в больницу ко мне припёрся, теперь вот на телефон наяривает, угрожает. Я знаю, что ничего он сделать мне не может, но всё равно неприятно.

— А кто такой и чего хочет этот товарищ? — поинтересовалась подруга.

— Тапёхин его фамилия. А хочет он квартиры мои. Сначала, правда, одну хотел, родительскую. Теперь его аппетит вырос, обе хочет. Говорит, что Витька в аварии виноват, а я собственник, и так как Вити нет, должна моральный и материальный ущерб пострадавшим оплатить. По закону я чиста, но ты ведь понимаешь, такие уроды, как он, не отстают. Он дрянь какую-нибудь придумает и на меня повесит, что у них висяков мало?

— Ни хрена себе аппетит у мужичка. А напиши-ка мне его полные данные. И место работы, если помнишь... И телефон тоже припиши. Сто процентов даю, что скоро он про тебя забудет, так как свои проблемы будет решать.

Я сходила за блокнотом и написала на этого мента всё, что знала.

— Ты даже не представляешь, как меня достал этот урод. И так жить не хочется, а тут ещё стервятники всякие слетаются, руки погреть. Противно. Спасибо тебе, Катюш. Ты настоящий друг, — произнесла я, протягивая ей лист, вырванный из блокнота.

— Не переживай, Викуль, всё наладится. Нужно просто немного времени. Пойду я, мне ещё вещи собрать надо, да хоть немного поспать. Бутылку пива я заберу, здоровье, как проснусь, подлечить потребуется. И тебе советую. Голова дребезжать будет, как старый драндулет, сигареты тоже тебе оставлю, они меня в своё время от тоски излечили. Вроде как незримый собеседник, с которым не скучно. Я ведь до смерти родителей и не курила, — вздохнула Катька и пошла к входной двери.

Оттуда обернулась и показала мне кулак. Я в этот момент как раз прикуривала сигарету, а начав смеяться, подавилась дымом и закашлялась.

— Всё, подруга, бывай. И никаких дурных мыслей. Жди меня, мы с тобой таких дел наворотим.

Поймав мой недоумённый взгляд, Катерина расхохоталась и закрыла за собой дверь. А я докурила и, убрав со стола остатки нашего пиршества, отправилась спать.

Проснулась я ближе к обеду, так как спать ложилась уже засветло. В углу комнаты меня молча приветствовала моя постоянная компаньонка, на которую я постаралась не обращать внимания.

Сказать, что болела голова, — значит не сказать ничего. Она гудела, как растревоженный улей пчёл. Я попыталась подняться, и пол под ногами закачался. Решив не рисковать, я снова прилегла. Когда комната перестала вращаться, а предметы заняли привычные им места, я аккуратно сползла с кровати и поплелась в сторону ванной. Глянув на себя в зеркало, я фыркнула.

— Ну что, Виктория Дмитриевна, с боевым крещением вас. Голова трещит, а во рту как будто кошки накакали. Как ещё руки не трясутся после такой попойки — неизвестно. Ну что за отвратительная рожа, — попробовала я пародировать профессора из «Джентльменов удачи».

Из зеркала на меня смотрело опухшее лицо местной бомжихи Зинки. Не хватало только пары фонарей под глазами для полноты картины. Тяжко вздохнув, я взяла щётку и пасту и начала приводить в порядок полость рта. Потом умылась холодной водой и пошлёпала на кухню.

Поставила на плиту турку, предварительно засыпав в неё кофе и наполнив водой, а сама заглянула в холодильник. И надо же было наткнуться на оставленную Катериной бутылку пива. Я даже не сразу поняла, каким образом успела так быстро открыть её, просто наслаждалась тем, что живительная влага наполняет организм. Нда, так недолго и алкоголичкой стать, уже опохмеляюсь по утрам. И главное, руки сделали всё сами, мой мозг в это время, видимо, ещё пребывал между сном и явью. Это из серии: сначала сделала, потом подумала. Хотя чего я удивляюсь, если за мной по квартире разлагающийся труп бродит. Я обернулась и посмотрела на вход в кухню. Конечно, она была там, куда ей ещё деться, ходит за мной как привязанная. Ну ничего, надоест — уйдёт.

Как бы то ни было, но Катька оказалась права. Боль отступила, в голове прояснилось и сразу захотелось жить. Потом я подзаправилась кофе с сигаретами и принялась звонить в страховую. После страховой был нотариус, потом тётя Глаша, потом работа. За этими делами я и не заметила, как пролетел весь день, а за ним и весь месяц.

Несколько раз за этот месяц меня навещала Лисица. Видимо, не до конца поверив в то, что я оклемалась. То привозила мне вкуснятины, то пыталась уговорить посетить кладбище. Поняв, что на уговоры я не поддаюсь и счёты с жизнью сводить не собираюсь, она перешла

на звонки. Звонила раз в несколько дней. Интересовалась здоровьем и зазывала в гости. А потом вообще укатила с подругой в санаторий на полтора месяца, чем несказанно облегчила мне жизнь. Катька тоже звонила время от времени, видимо, проверяла мой душевный настрой. Как бы то ни было, месяц пролетел как неделя. Единственное, что меня немного тревожило, — это мои галлюцинации.

Вот уже месяц, как меня мучили кошмары, а просыпалась я от собственного крика. И во сне, и наяву картины одни и те же. А вижу я свою постоянную «компаньонку», и не просто вижу, я слышу её. Она то появляется, то пропадает. То ходит за мной и просит о помощи, то молча стоит в углу. Я никогда не знаю, откуда она появляется и куда уходит. Но сейчас что-то поменялось, потому что вот уже вторую неделю она бродит за мной постоянно, никуда больше не исчезая.

Всё это время, засыпая и просыпаясь, я вижу одно и то же. Чёрные провалы вместо глаз и тело, изъеденное червями, где сквозь лоскуты оставшейся плоти уже видны кости. Запах, который я стала ощущать в её присутствии, сводит меня с ума. Хотя, судя по моему видению, сводить меня уже не с чего, шизофрения в последней стадии. Я псих тихий, никого не трогаю, и то, что я тронулась рассудком, осознаю. А значит, и в дурку отправляться мне не обязательно. Тем более что я с этим видением уже больше месяца тихо-мирно проживаю.

Она у меня, так сказать, временный жилец. Только не в квартире, хоть и вижу её как наяву, а в сознании моём, точнее в его отсутствии. Как там говорится? Если в стенке видишь люк — не пугайся, это глюк. Вот так примерно и у меня. Хорошо, хоть родственничками я обделена, а то бы уже давно упекли меня в комнатку с привинченной мебелью и решётками на окнах. А так живу себе затворницей, выползая изредка в магазин за провизией, и горя не ведаю. Подумаешь, призрака вижу, эка невидаль. Вон Петрович со второго этажа, когда обопьётся, чертей гоняет. Его же за это в смирительную рубашку не запикивают и на «курорт» не отправляют, так как не опасный он. Вот и я, значит, не опасна, только о моей «посетительнице» никому знать не нужно, тем более что я её не прогоняю, пусть ходит.

А вообще эта девушка, точнее то, что от неё осталось, очень даже тихая стала. Таскается за мной повсюду и молчит. Не просит, не требует, просто ходит и молчит. Я бы вообще согласилась на то, чтобы она молча за мной бродила всю оставшуюся жизнь, а то достала уже своими просьбами и криками. Но запах! Одна, казалось бы, малосущественная деталь, не присутствовавшая ранее, добивала меня.

Вчера я, отправившись, как обычно, за провизией, столкнулась с Ниной с пятого этажа, которую знаю уже лет пять, примерно с тех самых пор, как с Витей, своим покойным мужем, переехали жить в эту квартиру из съёмной.

Тогда мы посчитали правильным сдавать доставшуюся мне от бабушки трёшку на Черёмушках, а жить в однокомнатной, доставшейся Вите от какой-то дальней тётки, непонятно откуда разузнавшей о его существовании. К слову, в моей квартире до сих пор живут те же жильцы, ежемесячно перечисляющие оплату за квартиру на мою карту. Квартира мужа находилась в тот момент ещё в Московской области, а в нынешний — в Новой Москве.

Если совсем по-человечески: посёлок Ватушки, Калужское шоссе, восемнадцатый километр от МКАД, до ближайшего метро «Тёплый Стан» — двадцать минут на маршрутке в хорошую погоду и сорок в плохую; до Большого Каменного, где у Кати работа, — час с лишним. Я каждое утро ехала «в город», как будто жила в другом городе. Хотя по факту это уже была Москва — просто Москва, в которой ещё росли сосны вдоль дороги и зимой пахло настоящим снегом, а не реагентом.

Посёлок Ватушки был небольшим и очень зелёным, от чего я особенно пришла в восторг, после душной Москвы здесь был рай. Дом на один подъезд в девять этажей, квартира на первом. Огромные окна без решёток, в которые в любое время года был дивный вид на «задний двор». Летом — на зелёные деревья и кустарники, сочный газон и яркие клумбы под

окнами, а зимой — на белое искристое покрывало. Квартира хоть и однокомнатная по планировке, по метражу была больше некоторых двухкомнатных в столице, перевалив за сорок метров и практически приблизившись к пятидесяти квадратам общей площади. Огромная кухня в восемнадцать квадратов и длинная просторная лоджия являлись гордостью этой квартиры. Приехав сюда несколько лет назад, я полюбила и эту квартиру, и этот дом. На лоджии мы с мужем разместили плетёные кресла и стол, а от остекления воздержались, отчего летом складывалось ощущение, что пьёшь чай не на лоджии, а в саду.

Так вот о Нине. Столкнувшись с ней вчера, я узнала массу всего ненужного, а ещё дала согласие на подключение мне интернета от провайдера, новой сотрудницей компании которого она являлась. Исходя из того, что меньшей кровью мне обойдётся месяц интернета, нежели утрата крупниц оставшегося здравого сознания, я посчитала нужным согласиться, тем более что старый интернет за неуплату отключили больше месяца назад.

По правде говоря, особой необходимости в интернете я не испытывала, не имея ни страниц в соцсетях, ни электронной почты. С работы я уволилась сразу, как только выписалась из больницы. А на новую устраиваться не захотела, потому как не видела в этом особой необходимости. Мне и имеющиеся деньги не потратить, а тут ещё ежемесячная плата за аренду приходит. В общем, живи да радуйся, только вот с радостью как-то туго выходило.

Прошло уже почти два месяца со дня похорон Вити и месяц, как я дома. А я всё никак не могла заставить себя съездить на кладбище. Может, когда Катька вернётся, а вернуться она должна была завтра, мы и съездим, точнее сходим. Так как до кладбища было совсем недалеко. Недалеко-то недалеко, но вот ноги туда не шли и всё тут.

От моих размышлений меня отвлёк звонок в дверь. Не понимая, кто бы это мог быть, я пошла открывать. На пороге стоял дяденька лет пятидесяти, с пышными, как у Будённого, усами. Казалось, что из-за этих усов его и самого не видно. Вероятно, впечатление от его усов читалось на моём лице, потому как, крикнув, он предложил начать проводить кабель, а то у него на сегодня ещё клиенты. Интернет, дошло до меня наконец, и я, отодвинувшись в сторону, предложила ему войти.

Пока мужчина возился с кабелем, я сварила себе кофе и, прихватив с полки первую попавшуюся книгу, отправилась курить на кухню.

Витя очень любил книги, а точнее классическую литературу. Поэтому вся наша квартира была увешана и уставлена книжными шкафами и полками. Собрания сочинений самых разных писателей, как российских, так и зарубежных. Выбор был огромным, но в руках моих оказалась книга Булгакова «Мастер и Маргарита».

Я так увлеклась происходящими в книге событиями, что не сразу поняла, кто меня зовёт и зачем. Оказалось, что это мастер, который уже закончил установку и теперь, как он выразился, интернет будет летать. Я подписала протянутые им бумаги и, проведив, закрыла за ним дверь. Мне не терпелось вернуться к чтению книги.

Сварив себе ещё кофе, я переместилась с книгой и пепельницей в комнату. Забравшись с ногами на диван и укутавшись пледом, углубилась в книгу. На сей раз меня вернул в реальность звонок телефона. Взглянув на часы, я поняла, что уже за полночь. Ну нифига себе, как меня затянуло. И почему я не читала раньше? Нехотя встав, я потопала к телефону. Звонила Катька.

— Не спишь ещё?

— Книгу читаю.

— И как?

— Успешно, выпала из реальности на целый день. Если все книги в нашей библиотеке такие же интересные, то, кажется, у меня появилось хобби, — проинформировала я.

— А что хоть читаешь-то? Прямо любопытно стало, — заинтересовалась подруга.

— «Мастер и Маргарита».

— Знатная книженция. Думала, одна я подобное читаю. У меня все знакомые девчонки только любовные романы да детективы признают. Я один раз заикнулась о том, что мне по душе, так была определена в стан зануд, — хихикнула Катерина.

— Значит, и я теперь в твоём стане. Чего звонишь?

— Я в аэропорту, завтра у тебя буду. Ты лучше ответь, ты на кладбище к Виктору ходила?

— Нет, — честно призналась я.

— Почему? — удивилась подруга.

— Потому что ноги не идут и ещё, скорее всего, потому что страшно мне.

— Ладно, подруга, не переживай, я прилечу и вместе сходим. Договорились?

— Договорились.

— Ну вот и отличненько, всё, адьёс. Завтра я у тебя, точнее уже сегодня.

Из трубки полетели короткие гудки, а я всё стояла и чего-то ждала. Положив наконец трубку на аппарат, я решила, что нужно идти спать.

Утро выдалось солнечным, а ещё появилось чувство, точнее предчувствие, что что-то должно произойти. Такое томительно-тягучее душу чувство. И произойти должно непременно что-то важное. Это маетное ожидание не покидало меня всё утро.

Я пила кофе и дымила сигаретами. Да, и в этом Катька оказалась права, сигареты создавали иллюзию собеседника, занятости и поддержки. Только иллюзию, но мне сейчас это было очень необходимо. А ещё необходимо было найти стимул жить дальше. Именно жить, а не существовать. Именно об этом я и попрошу Матронушку.

От размышлений меня отвлёк звонок в дверь. Затув окуроч, я пошла открывать. На пороге стояла Катька в норковой шубке, сапожках и с пакетом в руках.

— Ты только прилетела?

— Нет, я уже собралась на кладбище идти. А ты почему ещё в пижаме? — недоумённо уставилась на меня подруга.

— Ну извини, экстрасенсорными способностями пока не обладаю. «Что в пакете?» — спросила я, направляясь в комнату, чтобы переодеться.

— Как что? Ты, видимо, забыла, что усопших поминать следует. И на девять дней, и на сорок. И панихиду надо бы в церкви заказать.

— Кому надо? — высунув голову из комнаты, поинтересовалась я.

— Тебе надо. Так принято, понимаешь? — втолковывала мне подруга.

— Кать, ты же знаешь, что я ещё с верой не определилась, да и не крещёная я, и не знаю, нужно ли мне это всё.

— Что именно ты подразумеваешь, говоря «всё»? Если панихиду, то она не тебе, она Виктору нужна. А если веру и крещение, то вера всем нужна. Кстати, как тебе роман?

— Какой?

— Булгакова, который ты вчера читала, — удивившись моей тупости, разъяснила подруга.

— Извини, легла за полночь, спала мало, поэтому жёстко торможу. Я под большим впечатлением от произведения. Даже не думала, что книга может так увлечь.

— Кошмары ночью не мучили? А то ты у нас девушка впечатлительная. Кстати, книгу всю осилила или частично?

— К кошмарам я уже привыкла, а книгу ещё не дочитала, но очень хочу.

— Что ты имеешь в виду, говоря про то, что ты привыкла к кошмарам? Ты шутишь, да? — насторожилась Катя.

— Нет, не шучу. Расскажу тебе как-нибудь на досуге. Ну что, идём? — спросила я, заканчивая обуваться.

— Идём. Но так и знай, я от тебя не отстану, ты меня заинтриговала.

Мы вышли на улицу и не спеша направились в сторону кладбища. Под ногами хрустел снег, а щёки покалывало от мороза. Я взяла Катку под руку, потому что эта мадам не придумала ничего лучше, чем надеть сапожки на каблуках. В такую погоду это может быть чревато. Модница, блин.

Так мы и шли. Катерина рассказывала о том, как съездила в командировку, жаловалась на бестолковых подчинённых и нелёгкую долю руководящего состава.

— Вот как с такими работать? Они же ленивые до безобразия. Им уже все соцсети заблокировали, так эти умники через обходные сайты там сидят. А работать кто будет?

— Кать, да забудь ты о них, у тебя же выходной, — уговаривала я подругу.

— Забудь. Легко сказать, да трудно сделать. Как вспомню, аж бесит! А ты знаешь, что про тебя наши соседские кумушки говорят? — резко сменила тему она.

— Да мне всё равно, — пытаюсь казаться равнодушной, пожала я плечами. — Им же нужно кому-то кости перемывать.

— А вот мне не всё равно. Мне не хочется про тебя всякие гадости выслушивать, — надулась Катка.

— Ладно, не томи. Что они на этот раз придумали?

— На повестке дня твоя вменяемость, дорогая.

— Ну так они недалеко от истины, — рассмеялась я.

— Дура ты, Викуль. Они же серьёзно думают, что ты свихнулась от горя, а тебе всё шуточки.

— Кать, плевать я хотела на то, что они обо мне там думают. Я, может, сама сомневаюсь в своём рассудке. Да и кто сейчас нормальный? Тебе любой психиатр скажет, что нет абсолютно психически здоровых людей. У каждого свой сдвиг по фазе.

— Да иди ты. Я тебе о серьёзных вещах, а ты...

Так, переговариваясь, мы дошли до кладбища. Где находится могила Виктора, я не знала. Зато знала Катя. Она, как выяснилось, была на похоронах.

— Ты знаешь, Викуль, его ведь в закрытом гробу хоронили. Народу было человек сто. А на поминках много говорили о нём. Он ведь действительно хороший мужик был. Честный, справедливый и жуткий трудяга. Про него говорили, что он экономист от бога. Главбух с его работы говорила, что ему в математики надо было идти. Голова как Дом советов у него. Его очень любили и руководство, и подчинённые. За терпеливость, а ещё за отзывчивость. Он никогда не оставался глухим к чужой беде. Почему Бог забирает хороших? Ведь сколько говна живёт и здравствует, а нормальные уходят, — вздохнула подруга, подводя меня к заснеженной могиле.

Могильный холм был весь в венках, а на кресте прикреплено фото Вити. Я подошла поближе и отряхнула снег с портрета. Смотрела и не могла узнать своего мужа. На фото он был очень собран и серьёзен, как будто его застали за обдумыванием чего-то важного. Мы так мало прожили вместе и так много не успели сделать. У нас было море планов.

— О чём думаешь, подруга? — спросила Катка, расстилая на краю могильного холмика нечто вроде полотенца, только более тонкое.

— Думаю о том, что столько планов у нас с Витей было, а остался только вот этот холм и крест, — сказав это, я поёжилась.

— Вика, самое главное, что у тебя осталось — это память. Память о Викторе и твоя собственная жизнь, которую ты можешь прожить за вас двоих, — говоря это, Катерина раскладывала конфеты с печеньем на ткань, затем достала три рюмки. В одну из которых налила вина и, накрыв печеньем, поставила ближе к кресту. А наполнив вторую, подала мне.

— Знаешь, Катюш, мы ведь мечтали со временем домик в Испании купить, открыть там ресторан и перебраться туда насовсем. А одной мне теперь уже не мечтается, — беря рюмку с красной жидкостью, сказала я.

— Это пока. Нужно время, оно самое лучшее лекарство. Время и стимул, чтобы жить дальше. Пока ты просто растеряна. Сложно оставаться собранной, когда любимые люди уходят, а все планы летят в тартарары, — утешила подруга. — Выпьем за упокой Витюшиной души. Не чокаясь.

Мы выпили, потом постояли немного молча, каждая думая о своём. Потом выпили ещё. Наливая по третьей, Катя случайно пролила вино на холм. Красная жидкость стала пропитывать снег, пятно становилось всё больше. Мне даже показалось, что это не вино, а кровь. Кровь Вити расплзается по его могиле... Я вздрогнула от этой мысли и помотала головой. Катька, внимательно наблюдавшая за мной, ухмыльнулась. Видимо, нам в голову пришло одно и то же.

Я смотрела на крест и не понимала, что я здесь делаю. Под этим холмом — закрытый гроб. В закрытом гробу — не Витя. То, что вытащили из той машины, — это не Витя. Витя — это руки, которые умели починить смеситель и заплести мне косу одинаково ловко. Витя — это голос, который меня будил. Витя — это запах кофе по утрам. Под этим холмом ничего из этого нет.

И где-то на дне рассудка холодно щёлкнуло юристское: «Если убрать эмоции, то доказательная база откровенно слабая. Украшения. Фрагмент ладони. Несколько совпадений. По сути, в этой могиле лежит человек, которого признали Витей, потому что других вариантов не осталось». Спасибо, мозг. Самое время.

— Кать, — сказала я очень спокойно. — Кать, это не он.

— Я знаю, Викуль.

— Нет, ты не понимаешь. Это правда не он. Его здесь нет. Тогда где он? Куда он делся?

И вот тут меня прорвало. Не плач — что-то другое, какой-то скрежет внутри. Катька прижала меня к себе и держала, пока он не прошёл. Сколько это длилось — не знаю. Когда я подняла голову, у Катьки на куртке было мокрое пятно от моих слёз, и она сама ревела, не вытирая лицо.

— Всё, — сказала я. — Всё. Хватит.

— Не хватит, — сказала Катя. — Но на сегодня — достаточно. А знаешь что, подруга, давай-ка мы с тобой в Испанию отдохнуть смотаемся. Я давно мечтала съездить на Майорку. У Шуфутинского песня есть, я её обожаю: пусть тебе приснится Пальма-де-Майорка, в Каннах или в Ницце розовый прибой, — заголосила Катерина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.